

Дикарь с другой планеты

Автор:

[Анастасия Ригерман](#)

Дикарь с другой планеты

Анастасия Ригерман

Я очнулась на плече оборотня, отбившего меня словно трофеем у еще более кровожадного чудовища. Дикарь, мужлан, зверь в человеческом обличье... Да он просто невыносим!

Добраться до обломков корабля и отправить сигнал о помощи – последняя надежда выбраться с жуткой планеты. Но как это сделать, если новая игрушка пришлась дикарю по душе, а мое встревоженное сердце от одного его взгляда выпрыгивает из груди?

Анастасия Ригерман

Дикарь с другой планеты

1 глава

– Внимание! Повреждение корпуса шестьдесят процентов, – надывается голосовая система управления.

Давление падает. Писк аварийных сигналов мешает сосредоточиться.

– Дай мне место, где сесть. Живо!

Мой голос дрожит, как и кончики пальцев. В такой передрыге я впервые.

На приборной панели высвечивается сектор, в который меня забросило. Волоски на коже встают дыбом. NH – универсальный класс непригодных для жизни планет. Точнее, по основным показателям вполне пригодных, но разумных существ вроде человека на них и в помине нет.

Нервно сглатываю, пытаюсь сосредоточиться, а перед глазами проносятся события последних дней, складываясь будто пазлы в единую картину.

Как же я раньше не поняла, что это ловушка? Правду говорят, влюбленные слепы и ничего не замечают дальше собственного носа.

Милли все просчитала! Лучшая подруга не простила того, что Рон выбрал меня, жалкую человечку с Земли, а не чистокровную нордианку. Она давно все спланировала, проложила для меня маршрут в один конец. А стоило сыну канцлера официально объявить дату нашей помолвки, запустила план мести в действие.

Астероидное поле, гиперпрыжок в никуда, и вот я здесь. Сектор Г, мать вашу! Лучше не придумай.

– Поиск завершен. Ближайшая планета – Зирта. Координаты: триста сорок девяносто пять.

– Садимся.

– Внимание! Межгалактической ассоциацией на этой планете объявлен карантин третьего класса. Незаконная посадка запрещена.

– Вот и пускай возьмут меня под арест, – нервно бубню себе под нос. – Все лучше, чем сдохнуть в открытом космосе. Да, Бруклин?

Пес нервно поскуливает, пристегнутый в соседнем кресле. Мы всегда летаем на задания вдвоем. Протягиваю руку, касаясь густой черной шерсти, а мне в ладонь тычется влажный холодный нос. Кибернетический организм, а тоже чувствует, что влипли мы по полной.

– До столкновения сорок тысяч...

Ничего, прорвемся.

– Тридцать...

Искусственная гравитация накрылась. Корабль трясет, системы отказывают одна за другой.

Вдох-выдох, выдох-вдох.

– Десять...

Машину бросает из стороны в сторону. Куски обшивки отлетают прямо на ходу, того и гляди весь корабль развалится еще до посадки.

Опускаю кислородную маску на лицо.

«Для опасной планеты эта кажется слишком голубой и зеленой, – невольно отмечаю про себя, вглядываясь в экраны мониторов, – прямо как...»

Медленно выдыхаю сквозь крепко стиснутые зубы, готовясь к столкновению, а после удара проваливаюсь в беспросветную темноту.

* * *

Трудно сказать, сколько времени я пробыла в отключке. Прихожу в себя под вой сигнала тревоги.

Голова раскалывается. Машинально прислоняю ладонь ко лбу – на ней отпечатывается кровавый след. Но гораздо больше беспокоит другое – ногу зажало. Когда мне удастся ее высвободить, вижу открытый перелом.

– Еще этого не хватало...

Боль ужасно отвлекает, кровь сочится даже сквозь защитный костюм. Какое тут здраво мыслить?

– Соберись. Следуй протоколу, – упрямо шепчут губы. – Запустить диагностику всех систем.

– В грузовом отсеке возгорание. Пассажирам срочно покинуть корабль, – с опозданием оживает голосовой помощник.

Только я и так это знаю, кабину уже заволакивает дымом.

– Брук, ты как, дружище? – синие глаза скользят по моему лицу преданным взглядом. – Нужно выбирать. Тащи аптечку.

Стоит это произнести, пес несется выполнять команду. Инъекция в бедро и боль отступает, кровотечение останавливается. Подволакивая обездвиженную ногу, следуя сквозь густой дым на лай Бруклина, будто за поводырем. Из дыры в корпусе корабля я буквально вываливаюсь на землю, местами поросшую зеленью. Брук кружит рядом, поскуливает, и оттаскивает меня подальше от горящих обломков.

Пытаюсь выровнять шумное дыхание, испуганно оглядываюсь по сторонам. Совсем рядом темнеет полоска густого леса, с другой стороны длинным хребтом тянутся горы с голубыми шапками на вершинах. Где-то рядом шумит река.

А здесь даже красиво.

– Анализ атмосферы, – зажимаю специальный датчик на браслете и тут же получаю ее химический состав.

«С незначительным отклонением, но для дыхания пригодно», – снова удивляюсь я, и наконец опускаю маску, втягивая ноздрями воздух, щедро пропитанный хвойными нотами.

Господи, сколько лет я не вдыхала этого запаха? От неожиданных воспоминаний о Земле, и тех, кого я когда-то на ней оставила, на глазах проступают слезы.

«Нет. Только не сейчас, – отмахиваюсь от непрошенных мыслей. – Сперва обработать ногу, после добраться до передатчика и подать сигнал бедствия. Придерживайся плана!»

Рон найдет меня. Где-то в глубине душе я твердо знаю это. Милли никогда не занять мое место. После того, что она натворила, ее ждет военный трибунал. Осталось только выбраться отсюда, а доказательства найдутся. Эта мысль удивительным образом придает мне сил.

На лес опускаются сумерки. Лезть в пылающий корабль, из которого местами вырываются языки пламени, не имеет смысла. В ответ на мои мольбы, в какой-то момент включается система пожаротушения.

– Ну наконец-то! – обнимаю на радостях Брука, и тот виляет хвостом.

Остается дожидаться, когда она справится со своей работой, а я смогу вернуться на борт и разослать сигнал.

Пока я вожусь с ногой, вправляя на место кость и заливая ее специальным склеивающим раствором, едва не теряю сознание. Благо дело, аптечка неплохо оборудована. Прodelывать все это в учебке на кибернетических конечностях с кучей датчиков – одно дело, а на себе родимой, потерявшей кучу крови, совсем другое. Еще и Брук разглядел что-то подозрительное в лесу, подняв лай на всю округу.

– Бруклин, ко мне! – хотелось крикнуть, но вместо этого я лишь неразборчиво что-то хриплю, пошатнувшись. Силы стремительно меня покидают. Для того, чтобы подействовал введенный регенератор тканей, нужно время.

Спустя минуту влажный шершавый язык с заботой проходится по моей щеке. Брук услышал. Благодаря настройкам его слух в разы превосходит любое живое существо.

– Охраняй, но не шуми. Ясно?

Устроившись рядом, пес уткнулся носом в мое бедро и наострил уши. Вот только хватило его ненадолго. Почуввав опасность, мой защитник вновь подскочил

на ноги, с усердием залаяв.

- Брук, пожалуйста... - не успеваю договорить, теряя дар речи.

Для огромной хищной твари, которая выходит напрямиком на нас из темного леса, у меня нет названия, и настроена она более чем решительно.

Гигантский паук, или что-то похожее на него, перед нападением нервно постукивает лапами. Нащупывая бластер, закрепленный на бедре, мне не до того, чтобы пересчитывать их количество.

- Бруклин, к ноге!

Я знаю, Брук ринется в бой, не задумываясь. Охранять меня - его первоочередная задача. Но чего мне меньше всего хочется, так это в первый же день пребывания на этой планете потерять единственного друга.

Эта тварь вдвое, а то и втрое крупнее меня. Лабрадору средних размеров такую не одолеть. Хотя, я даже не сомневаюсь, потрепал бы он ее знатно.

Паучиха то замирает, то передвигается быстрыми рывками, с каждым заходом сужая круг и издавая такой гадкий звук, будто клацает челюстями.

- Сожрать меня хочешь? Ну уж нет, так просто я тебе не дамся.

Прицелиться и попасть в эту шуструю тварь получается не с первого раза. Она дергается от ранения, но с прежним упорством продолжает наступать, ввергая меня в ужас.

За деревом у самой кромки леса мелькает мужской силуэт.

Показалось? Ну а что же еще, откуда ему взяться? От потери крови бывают и не такие галлюцинации. Здесь нет разумной жизни, а значит, и надеяться на чью-либо помощь не приходится.

Я стреляю снова и снова, только голова кружится, и я все чаще промахиваюсь, лишь сотрясая воздух.

Расценив мое положение как отчаянное, несмотря на запрет, Брук выходит вперед. Рычит, скалится, кусает гадину за ноги, но та тут же скидывает его – уж больно здорова. Он выигрывает для меня время, но в какой-то момент отлетает, ударяясь о корпус корабля, и уже не поднимается.

– Нет, Брук! Нет! – льются по щекам слезы, застилая глаза.

Подбираясь ближе, гигантская тварь рассекает мне руку, впрыскивая в кровь что-то едкое и тягучее. Дело сделано, теперь она уже никуда не торопится. Передо мной плывут радужные круги, тело становится ватным. Я пытаюсь поднять руку с бластером, но она меня не слушается, и оружие вываливается наземь.

Не чувствуя собственных ног, я падаю на спину, наблюдая, как в ночном небе загораются первые звезды.

Неужели это все, конец?

Где-то там, на другом конце галактики, меня ждет Рон, самый сильный и отважный кадет академии, представитель высшей расы нордианцев и самый красивый мужчина из всех, кого я знала. Прости, любимый, похоже, в этот раз я уже не вернусь с задания.

С важностью победителя, загораживая вид на звезды, надо мной нависает безжалостная паучиха. Она снова клацает челюстями, только в этот раз мне нечем ей возразить.

Я стараюсь не думать о том, что будет дальше, но гадкие мысли так и лезут в голову.

Приближающийся протяжный рев запускает по обездвиженному телу волну мурашек, и я машинально поворачиваю голову. Я снова вижу мужской силуэт. В этот раз он не похож на галлюцинацию. Здоровяк больше не прячется за деревьями, превращаясь на бегу в огромное мохнатое чудовище.

Ловкий прыжок, и этот массивный медведь, пролетая прямо надо мной, сбивает с ног гадкую паучиху. Между ними разворачивается яростное сражение, только

его исхода мне не дано увидеть. Мое тело начинает трясти в лихорадке. Сознание, подобно быстрой реке, уносит меня все дальше от этого ужасного места. Я снова переношусь на родную Землю, к родителям и старшему брату, ощущая их прощальные объятия и прикосновения горячих пальцев, растирающих слезы по моим детским щекам.

– Дана, доченька... Никогда не забывай, кто ты и откуда, – который раз вторит мама, надевая мне на шею свой кулон с ангелом. – Как бы далеко ты ни оказалась, и что бы с тобой ни происходило, мы всегда будем рядом, вот здесь, в твоём сердце.

* * *

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук», – все отчетливее стучит прямо под моим ухом. Веки открываются с трудом, будто налились свинцом. Я не сразу осознаю, где нахожусь и что вообще происходит.

Вокруг непроглядная темнота, а еще меня прилично потряхивает при каждом шаге. Мы перемещаемся по лесу, это я понимаю по хрусту веток под ногами того, кто несет меня в неизвестном направлении, закинув на крепкое плечо.

«Оборотень!» – доходит до меня, и я сглатываю ком паники, застрявший в горле.

Ну конечно, это его я видела в лесу. Обернувшись мохнатым чудовищем, он отбил меня у паучихи, а теперь в человеческом обличье тащит в свою берлогу. Надеюсь, не для того, чтобы сожрать в спокойной обстановке у костра.

Я словно тряпичная кукла болтаюсь вниз головой, впечатываясь щекой в мужскую спину, обтянутую кожаной курткой. Мои ноги зажаты железной хваткой, и мне это совсем не нравится. Но стоит завертеться, ягодицу накрывает тяжелая ладонь.

– Шан ра мэ! – раскатистый бас заставляет меня вздрогнуть.

«Угомонись», – с опозданием срабатывает переводчик, встроенный в мой костюм, и я на время зависаю.

Что?! Язык удалось распознать??? Выходит, разумная жизнь на этой планете все-таки существует?!

Естественно, я загораюсь надеждой договориться. Кем бы он ни был, этот мужчина спас меня, вытащил из той передряги, а значит, ничто человеческое ему не чуждо.

– Пожалуйста, остановись! Мне нужно обратно! – снова дергаюсь я, зажав кнопку на браслете, и переводчик выдает сказанное мною на языке аборигена.

Услышав знакомую речь, чужак останавливается и сбрасывает меня наземь, будто мешок с камнями, который порядком устал тащить. Теперь он возвышается надо мной, глядя так, словно оценивает свой трофей. Глаза, привыкшие к темноте, выхватывают в звездном свете грубые мужские черты, массивные плечи, шейный платок, частично закрывающий его лицо с темной щетиной.

– Обратно нельзя, там смерть, – отвечает он на своем несколько резко, а переводчик переводит.

– Но я должна отправить сигнал...

Договорить я не успеваю, мужчина бесцеремонно вздергивает меня за шкуру, заставляя подняться. Стоит опереться на сломанную ногу, ее простреливает болью, и я стону в голос. Из глаз льются непрошеные слезы.

– Аккуратнее! – хмурюсь ему в лицо, на котором не нахожу ни одной ответной эмоции.

Да кому я это вообще говорю? Бесчувственный дикарь!

– Молчи, женщина, – рычит он грозно, обдавая горячим дыханием, и снова закидывает меня на плечо. – Иначе рот заткну...

На этом интересном месте переводчик замолкает – костюм поврежден, микросхемы накрылись, а я решаю не испытывать удачу. Такой заткнет, не подумает.

Мой «спаситель» продолжает свой путь. Я опять болтаюсь на его плече, в шоке от происходящего. Ну а что мне еще остается? Голова кружится. Непроглядный лес вокруг кишит дикими тварями. Одна из них издает жуткий звук где-то неподалеку. Я вздрагиваю. Тяжелая пятерня уже знакомо по-хозяйски накрывает мою ягодицу, мужчина ускоряет шаг.

Вот и что это сейчас было?! Переживает, что я свалюсь ненароком? Ну, конечно, из всех оборотней во Вселенной тебе достался самый заботливый! Обманывай себя и дальше.

2 глава

Я отключилась. Сработала защитная реакция организма. Такое бывает после нервных перегрузок. А еще, когда тело охватывает жар, как у меня сейчас, из-за яда паучихи, попавшего в кровь.

Впервые за долгие годы мне снится родной дом. Нет, не академия на космической станции нордианцев, а тот, что еще ребенком я оставила на Земле. Сколько же лет я гнала от себя эти воспоминания? Но сейчас, на этой жуткой планете, они словно нарочно лезут в голову, теребя старые раны.

Мне снова восемь, и у меня зашкаливает температура. Это всегда неожиданно, как вспышки на солнце. Только что я каталась на качелях и играла в догонялки с соседской девчонкой, а уже через секунду моя кожа настолько накалилась, что на мне смело можно жарить яичницу.

– Помогите! Дане плохо! – кричит подружка, и на ее голос из дома отзывается мама.

Меня колотит, зуб на зуб не попадает. Лежа на газоне, я поворачиваю голову, и смотрю, как она бежит ко мне по осенней листве в легком домашнем платье и совсем босая. Мама подхватывает меня на руки, а по ее щекам льются слезы.

– Господи, какая же ты горячая...

Мне страшно. Я тоже хочу заплакать, но не могу. Я и дышу-то с трудом.

В тот год немало было пролито слез. Только ни один профессор толком так и не смог объяснить причину этих странных приступов.

– Новый австралийский синдром, – с умным видом все как один кивали они головами, и на этом успокаивались.

Первым, у кого его обнаружили, был парнишка из Сиднея. Потом появились и другие. Вспышки были разными. Когда в солнечный летний день на моей коже проступил иней, а губы внезапно посинели от холода, мама испугалась не меньше.

– Да ты у нас суперчеловек, кипятильник-холодильник, два в одном! – шутя посмеивается старший брат, пытаюсь меня рассмешить.

Он боится за меня, как и родители. Я случайно подслушала их разговор: по прогнозам врачей, любая новая вспышка может стать летальной. Но Дэвид, как и отец, не из тех, кто станет сдаваться и лить слезы. Благодаря им наш дом всегда полон шуток и смеха, а мы продолжаем жить словно обычная семья, хоть на время забывая о моем неизлечимом синдроме.

Лоб накрывает широкая ладонь. Я чувствую его горячее дыхание, и уголки губ даже во сне невольно ползут вверх. Это отец. Так и вижу перед собой его симпатичное открытое лицо, светлую челку, спадающую на высокий лоб, лучистые морщинки, разбегающиеся от уголков глаз. Я знаю, папа и сейчас улыбается.

«Дана, вставай, в школу опоздаешь», – сказала бы мама, но не он. Без лишних слов отец целует меня в лоб, а еще ласково гладит по голове, перебирая пряди волос – такой у нас утренний ритуал.

До чего же прекрасный сон, живой и реалистичный! Жадно втягиваю ноздрями воздух. Те же кедровые ноты, что и в его туалетной воде, только...

Распахнув глаза, мне хочется закрыть их обратно. Пугающая реальность и воспоминания о моем неудачном приземлении настигают в считанные секунды.

Быстро оглядываюсь по сторонам, подмечая, что здесь тепло и безопасно. Крепкие стены имеются, как и крыша над головой. Совсем рядом, в костре, дотлевают мерцающие угольки. Где я – не столь важно, потом разберемся. А вот с кем...

Он близко, слишком близко, непозволительно! Будь мы сейчас в академии и с исправным браслетом, тот бы уже истошно пищал на весь корпус, а еще нам автоматом прилетел бы штраф «за нарушение допустимых границ». В этом плане у нордианцев все строго, если, конечно, мужчина с женщиной не вступили в законный союз.

Нет! Нет! Нет! Я что, проснулась в одной постели с оборотнем? Да он еще и раздетый?!

Похоже на то.

Первое желание – бежать от него и подальше, но вместо этого я боюсь даже пошевелиться. Изучающий взгляд темных глаз замер на моем лице, как и широкая ладонь возле моей головы.

Выходит, никакой это был не сон. И в лоб меня тоже он поцеловал?! Проверял температуру?

Глядя на мое шокированное лицо, дикарь подозрительно притих, только от этого не легче. Он – хозяин положения. Это чувствуется во всем: в его расслабленной позе, невозмутимом выражении лица. Развалился, оперевшись на одну руку. Только ощущение такое, будто навис надо мной мощной скалой со всей этой грудой мышц, перекачивающихся под кожей.

Сердце оглушает ударами, мешая здраво мыслить, и я выдаю первое, что приходит в голову.

– Эээ... Доброе утро, – выходит несколько заикаясь.

Зажимаю кнопку на браслете – вдруг заработает. Но нет, чуда не происходит. Сдох так сдох. Зато мужчина едва заметно приподнимает одну бровь, с интересом за мной наблюдая.

– Ладно, проехали... – нервно бубню себе под нос и резко замолкаю, когда рука рядом с моей головой приходит в движение.

Без всякого на то разрешения дикарь пропускает длинные светлые пряди моих волос между пальцев, разглядывая так, словно ничего подобного не видел. Я рассматриваю его в ответ. Не так смело, как он меня, конечно, а украдкой, боясь встретиться взглядами.

К своему удивлению, я замечаю, что мужчина еще молод, не многим старше меня. Загорелая, местами обветренная кожа, густая темная борода, шрам, пересекающий бровь, и привычка постоянно хмуриться – кому угодно добавили бы возраста.

На его мощной шее, ключицах и плечах пролегли черные рисунки. Где-то простые до безобразия, словно браслеты, опоясывающие руки, а где-то витиеватые, как старинные иероглифы, и наверняка что-то обозначающие. Найди я нечто похожее на стенах пещеры, заинтересовалась бы. Но не сейчас, когда здоровенный мужлан с неизвестными намерениями гладит меня по волосам.

Он убирает руку, а я еле сдерживаю себя, чтобы резко не шарахнуться в сторону, потому что хочется мне этого до жути.

Ничего не говоря, дикарь встает с кровати, устеленной звериными шкурами. С пня, который служит ему стулом, поднимает заношенную футболку. Руки шустро проскальзывают в рукава, мышцы приходят в движение, а вместе с ними замысловатые рисунки на его прокачанной спине.

Неожиданно для себя я зависаю на этой картине, но его развитая мускулатура интересует меня в последнюю очередь. В голове набатом стучит одна единственная мысль: откуда у дикаря человеческая одежда? Все это время он был в штанах, чем-то напоминающих земные джинсы. Да и его ботинки с литой подошвой выглядят скорее, как военное обмундирование. Вот уж не поверю, что этот оборотень сам делает такие, сидя тихими вечерами в своем пещерном убежище.

Я тоже пытаюсь встать. В глаза бросается зеленая вязкая субстанция на моей руке, наложенная поверх пореза тонким слоем и застывшая пленкой. Пахнет эта

дрянь не очень приятно, зато рану закрывает надежно, и рука почти не болит. А вот сломанная нога тут же напоминает о себе.

Введенный регенератор начал работать, но до полного восстановления необходимо подождать около трех дней. Когда-то на Земле мы могли о таком лишь мечтать. Помню, как Дэвид, который был нападающим в школьной сборной по американскому футболу, после важного матча, закрывающего сезон, все лето проходил в гипсе. Я жалела брата. Чтобы он не скучал, сидя дома в одиночестве, я каждый день рисовала на его гипсе по забавному человечку. Так, когда его сняли, там не было пустого места, а брат поклялся, что обязательно сохранит этот шедевр.

Технологии нордианцев шагнули далеко вперед, а мне теперь можно обойтись и вовсе без гипса, достаточно не перегружать ногу.

Мой сдержанный стон не проходит незамеченным. Дикарь резко оборачивается. Он что-то рычит и надвигается на меня грозовой тучей. Сердце уходит в пятки.

– Мне бы это... – испуганно пишу я, намекая на потребность элементарно умыться и пописать. Да кто бы меня слушал?

Подхватив на руки, мужчина возвращает меня в кровать. Я дергаюсь, чисто из упрямства, но против здорового медведя не попрешь.

– Шан ра мэ! – его голос прокатывается мурашками по коже.

Угломониться? Ясно, это мы уже проходили.

Пригрозив пальцем и своим фирменным взглядом исподлобья, куда же без него, дикарь оставляет меня в кровати. После такого скорее описаешься, чем рискнешь снова подняться с места.

Я жду, прислушиваясь к каждому звуку. Свернув за угол, он шумит какими-то склянками и что-то усердно строгает. Через пару минут мужчина возвращается, вооружившись еще более вонючей гадостью, чем зеленая жижа на моей руке. Смешанный с чем-то навоз, не иначе. А еще с заготовленными дощечками и веревкой.

Разложив все это добро прямо на кровати, он присматривается к моей ноге взглядом маньяка. Выражение его лица более чем решительное.

Отточенным движением мужчина вынимает нож из ножен, тут мне действительно становится страшно.

– Нет-нет, пожалуйста... – начинаю причитать я, а он склоняется все ниже, придавливая меня коленом, чтобы не дергалась.

Теперь я и пошевелиться могу с трудом. Кажется, он весит целую тонну!

Острое лезвие разрезает ткань моего защитного костюма, оголяя раненую ногу. В какой-то момент нож замирает, холод металла касается бедра. Я чувствую, как мужской взгляд скользит по моему обездвиженному телу, словно прикидывает: а не раздеть ли меня целиком?

Еще никогда прежде мне не было так страшно. Конечно, если не считать встречи с паучихой, но это совсем другое. Дело в том, что с Роном мы никогда не были близки. Он почти не касался меня, а уж тем более не целовал и не видел обнаженной. У нордианцев не принято вступать в интимные отношения до официальной помолвки. А всякие нежности и проявление чувств для высшей расы сродни слабости. Меня и других землян они учили тому же: всегда и во всем полагаться на разум и логику, выбросив лишнее из головы.

Именно поэтому от прикосновений дикаря, пусть даже в лечебных целях, меня порядком потряхивает. Кто знает, зачем он меня сюда приволок и какие у него планы на мой счет?

Мой костюм остался на мне. В этот раз оборотень ограничился одной штаниной, которая теперь была безнадежно испорчена. Наложив вонючую смесь, а поверх нее лист какого-то растения, он стянул ткань, насколько это было возможно, и закрепил все это теми самыми дощечками с веревкой.

Похоже, накладывать шину на перелом для него не впервой. Довольный своей работой мужчина снова грозит мне пальцем и разворачивается к выходу, в этот раз, чтобы притащить прочную, обструганную от сучков ветку.

– Спасибо, но не стоило...

На разговоры мой хмурый спаситель совсем не настроен. Уверенным движением руки он поднимает меня за шкуру, как какого-то котенка, и тут же возвращает обратно.

Прикинул мой рост? Ясно.

Прочная ветка, в обхвате не тоньше моего запястья, с легкостью ломается в мужских руках, а меня от этого хруста передергивает.

Я же своими глазами видела, в какого мохнатого монстра он умеет превращаться, но все время забываю, что передо мной оборотень. Прежде я и не знала, что они действительно существуют. Надо с ним как-то поосторожнее что ли. Он ведь и меня так же просто может разорвать на части, стоит ему только захотеть.

Снова проситься в туалет мне не приходится. Получив «костыль» в руки, и шину с лечебной жижой редкой вони, проход на волю оказывается для меня открыт.

Лишь на время, естественно.

Дикарь шагает первым, прихватив с собой топор. Я, то прыгая, то хромя, следую за ним. Мы оказываемся в лесу у подножия горы. Я щурюсь – глаза с непривычки слепит яркий свет. В этой галактике своя звезда, по многим параметрам похожая на Солнце. Возможно поэтому с первого взгляда окружающая нас природа очень напоминает земную.

Совсем рядом бежит река – тут же подмечаю я. Если ее придерживать, теоретически можно добраться до корабля. Знать бы еще в какую сторону идти, вверх или вниз по течению?

Я останавливаюсь, чтобы осмотреться по сторонам. А вот и они – самые что ни на есть подходящие кусты! Только стоит мне посмотреть в их сторону, дикарь тут же оборачивается, недовольно подпирая кулаками бока, еще и рычит что-то грозно на своем.

– Да ладно, – тяжело вздыхаю, разводя руками. – Неужели ты думаешь, что у меня выйдет удрать вот с этим? – показываю на свою ногу, на которую и наступить-то нормально не могу. – Всего пара минут. Только отвернись, пожалуйста.

То, что он не понял ни слова – это факт, но моя живая мимика пришлось весьма кстати. Показав незамысловатым жестом, что он следит за мной, мужчина берется за топор и начинает рубить дрова.

«Все-таки есть Бог на свете», – с облегчением выдыхаю я, направляясь к заветным кустам. Как же мало порой надо для счастья. Отпустил справить нужду в одиночестве, принес из реки ведро воды, чтобы я могла умыться, и на том спасибо. Выходит, не совсем и зверь.

Такая уж у меня натура – во всем и всегда подмечать что-то позитивное. Обычно это качество неплохо меня выручало. Но в этот раз радовалась я рано.

3 глава

В пещере разгорелся костер. Забросив в котелок с водой нечто похожее на крупу, дикарь варит кашу. Запах от варева исходит не особо аппетитный, но от одной мысли о еде желудок начинает издавать призывные урчащие звуки.

Взгляд темных глаз отрывается от костра, перемещаясь на мое лицо. Я смущаюсь от того, как он меня рассматривает, внимательно, цепко, подмечая каждую деталь. При этом жутко раздражает, что скупой на эмоции дикарь ничего не говорит. Пусть на разных языках, но при желании мы наверняка могли бы наладить хоть какой-то контакт. Вместо этого между нами устанавливается неловкое затянувшееся молчание, а стоит ему пошевелиться, я всякий раз невольно дергаюсь.

Помешивая свое варево, он снова хмурится, словно вспоминает о чем-то неприятном. Здоровый и по идее неуклюжий, как медведь. Но, нет. Чем больше я к нему присматриваюсь, тем больше замечаю, что каждое его движение выверено до миллиметра. А еще у дикаря отличная реакция – достаточно было

понаблюдать, как он рубит дрова и одной левой ловит на лету насекомых.

Резко поднявшись в полный рост, он снова приближается ко мне. Сердце ускоряет ход, но мужчина всего лишь протягивает миску с едой и некое подобие ложки, выточенной из дерева.

– Спасибо, – звучит робко, будто мышь пропищала.

Сама не знаю, зачем вообще с ним говорю. С невозмутимым выражением лица мужчина разворачивается и возвращается к костру. Но мне так спокойнее, время от времени слышать хотя бы собственный голос, который заглушает стук испуганного сердца.

Теперь дикарь накладывает еды и себе, только в разы больше. Устраиваясь на пне, он наворачивает свое варево с таким аппетитом, словно там не вонючая каша на воде, а звездочки космостарс с теплым молоком из моего детства.

Ага, если бы! Помечтать не вредно. А пока я успокаиваю себя тем, что он ест из того же котелка, а значит, еда съедобна.

Получив свою порцию, я стараюсь не приглядываться к содержимому миски. Старой, металлической, местами помятой, но чистой, это я заметила сразу. Еще один плюстик в пользу аборигена.

«Есть жизненно необходимо, причем вкус пищи не важен, важен ее состав», – первое правило курса выживания, который преподавали в звездной академии. Как сейчас помню, сдала его на отлично.

Давай, Дана, это всего лишь белки, жиры и углеводы, запас калорий. Вспоминаю строчки из памятки, только все бесполезно. Мой организм отказывается принимать эту горьковатую склизкую дрянь, которая провоцирует лишь рвотные рефлексы. Что делать в таких случаях, в той самой памятке не говорилось ни слова.

Я пытаюсь сдержаться, заставляю себя прожевать и проглотить неизвестную субстанцию, но она так мерзко хрустит на зубах и рвется обратно. Пока меня не вырвало, я выплевываю ее на пол и совершаю самую грубую ошибку –

присматриваюсь к содержимому миски.

Вот же черт! Никакая это не каша, как мне сперва показалось, а какие-то мерзкие белые червяки или личинки, только предварительно засушенные.

Живот тут же скручивает, а меня действительно начинает тошнить, хоть особо и нечем. Дикарь откладывает пустую миску в сторону и продолжает спокойно наблюдать за тем, как меня выворачивает наизнанку от его варева.

Да уж. Если выберусь с этой «гостеприимной» планеты, обязательно дополню гребаную памятку примером из личного опыта. Но сперва разберусь с Милли, если Рон еще не сделал этого за меня, и накормлю «лучшую подругу» червяками.

Ведро с водой, попавшееся под руку, оказывается весьма кстати. Делаю несколько глотков и умываю лицо, постепенно приходя в себя. Какое-то время я так и сижу на полу, облокотившись о каменную стену, и восстанавливаю дыхание.

Резко поднявшись, дикарь смотрит на меня так, словно что-то решил в своей голове, и этот его взгляд мне совсем не нравится. В несколько шагов мужчина преодолевает расстояние между нами, а я буквально вжимаюсь в стену, обхватив колени ладонями.

– Нет! Нет! Пожалуйста... – вырывается от ужаса, когда он подхватывает меня за шкуру и грубо оттаскивает на несколько метров, поближе к костру. При этом дышит тяжело, яростно, отчего мне становится еще страшнее. – За что ты так со мной?! За то, что мне не понравилась твоя еда? – пытаюсь брыкаться, но куда я против такого здоровяка – жалкая хромоногая букашка.

Он действует быстро и решительно. Пока по моим щекам катятся бестолковые слезы, запястье обжигает холодом. Я дергаю рукой, но металл сдерживает движение, больно врезаясь в кожу. Только теперь я начинаю соображать, что меня, словно дворового пса, пристегнули на цепь к монолитной каменной стене пещеры. От осознания этого мне действительно становится дурно.

Подхватив одну из шкур с кровати, дикарь бросает ее к моим ногам, и тут же разворачивается на выход.

– Вернись! Ты не можешь так со мной поступить! Меня будут искать! – зачем-то кричу ему вслед, зная, что он ничего не поймет, а шансы найти меня с учетом исходных данных близки к нулю.

* * *

Проклятая цепь не поддается. Я дергаю ее, пытаюсь сделать рычаг из полена, что есть мочи бью по месту, где она крепится к каменной стене. В итоге деревяшка разваливается на части, а я с ужасом смотрю на свои руки, сплошь покрытые занозами.

Выдернуть кисть из захвата тоже не получается. Дотянувшись до миски с остатками каши и подцепив ее пальцем ноги, я обмазываю запястье склизким варевом из червяков, хоть для чего-то оно сгодится. Превозмогая боль, снова дергаю руку. Не выходит.

На то, чтобы намеренно раздробить кости, и высвободиться из плена, я не решаюсь, но в какой-то момент серьезно задумываюсь об этом. Пока не заживет нога в крайних мерах нет смысла – все равно не смогу убежать.

Прошла уже пара часов, или больше. Когда сидишь на одном месте, прикованная цепью, а вокруг абсолютно ничего не происходит, быстро теряешь счет времени.

Все, что мне остается, так это корить себя за то, что не сумела проглотить гадкую кашу. В конце концов, он поделился со мной своей едой. Да, я не хотела, чтобы меня стошнило. Только со стороны это выглядело так, как выглядело. Кто знает, может, по понятиям дикаря это равносильно оскорблению, а он оставил меня здесь в качестве наказания? Ведь именно так и поступают с новыми питомцами, которых пытаются приручить?

Осознать свое положение жутко, думать о будущем – еще страшнее.

Кутаясь в шкуру, которая осталась в моем распоряжении, я чутко прислушиваюсь к звукам, доносящимся снаружи. Ветер воет громче, жалобнее. Или мне это только кажется? Небо сотрясают раскаты грома. От входа в пещеру тянет холодом, окатывая мое и без того дрожащее тело.

От голода меня клонит в сон, только я боюсь уснуть. Пока горит костер, здесь хотя бы относительно тепло и светло. Но огонь нужно поддерживать, и я тянусь к очередному полену, с грустью наблюдая, как уменьшается заготовленная кучка.

А что, если он и вовсе не вернется? Эта мысль пугает больше всего. Я упорно гоню ее от себя прочь, продолжая цепляться за соломинку. Но стоит представить, какая мучительная смерть меня ждет, если я и дальше останусь прикованной в этой пещере, глаза застилают слезы.

Протягиваю руки к костру, разглядывая собственные пальцы, покрытые ссадинами. А ведь не отправься я на это задание, сейчас бы уже вовсю готовилась к помолвке. Представляю, какое Рон приготовил для меня обручальное кольцо. Вот только дождется ли оно свою хозяйку?

От обиды на судьбу или собственную глупость я резко дергаю рукой. Напоминая о себе, оковы врезаются в запястье. Я уже не плачу, взываю, почти как Бруклин когда-то. В горле встает ком отчаяния, а я с трудом могу отдышаться.

– Прости меня, дружище, – устало шепчут губы. Продолжая смотреть на костер, я укладываюсь на пол. – Лучше бы и меня еще вчера убила гадкая паучиха, чем вот это вот все...

«Всего полчаса», – убеждаю я саму себя, словно могу поставить внутренний будильник. – «Он не успеет погаснуть, а я должна хоть немного отдохнуть. Ведь не успеет?»

В небе снова гремит. Едва уснув, я вздрагиваю и распахиваю глаза. Костер горит, на стенах играют тени. Я по-прежнему одна.

Нет, это не шум приближающихся шагов, как мне сперва показалось, – первые капли дождя бойко стучат по каменной крыше. Постепенно барабанная дробь усиливается, сливаясь в шумный поток, и мне хоть на время удастся забыться тревожным сном.

Просыпаюсь я от того, что кто-то тянет меня за руку, снимая оковы, а затем усердно лижет щеку и тычется мокрым носом в висок, тихо поскуливая.

- Брук... - подскакиваю я, не веря своим глазам.

Не галлюцинация же это? Или я тоже умерла, и мы наконец встретились? После отчаяния, которое я пережила за этот бесконечный день, мне уже ничего не страшно, даже умереть.

Обхватив мокрого пса ладонями, я зарываюсь пальцами в его густую шерсть. Господи, какое же это счастье, я не одна! Брук не оставил меня, нашел, вернулся.

- Брук, Бруклин... Как ты здесь оказался, дружище?

Появившийся дикарь не дает насладиться моментом. Он бесцеремонно отодвигает меня в сторону от Брука, нацепив на его шею веревку, и крепит к той же цепи, на которой до этого сидела я. При этом мужчина ведет себя так, словно меня не существует вовсе, а то, как жестко он со мной обошелся - в порядке вещей.

Вспышка гнева прокатывается волной по всему телу. Я полна ненависти к этому чудовищу. Щедрую порцию адреналина уже выбросило в кровь, и он кипит во мне, подстегивая к решительным действиям.

Я больше не боюсь его, словно внутри меня что-то перегорело. В конечном счете умереть не так страшно, страшнее жить в муках, когда твоя жизнь не принадлежит самому себе.

Теперь мои руки свободны, и меня уже ничто не останавливает. Подскочив на ноги, я хватаю первое увесистое полено, что попадается под руку.

Пусть ему тоже будет больно! Пусть знает, что я не какая-то игрушка. Со мной нельзя так обращаться. И с моим псом тоже.

- Я живая! Живая! Слышишь?! - с размаху полено врезается в мужской череп, щепки летят в стороны, а реакция дикаря не заставляет себя долго ждать.

Я снова замахваюсь, но в этот раз не успеваю нанести удар. Сильные руки перехватывают запястья, темные глаза прожигают яростью.

Мужчина поваливает меня на пол, фиксируя ладони над головой, и уже знакомо придавливает коленом, чтобы не дергалась. Его ноздри раздуваются, а из груди вырывается утробное рычание, словно он едва сдерживает себя.

Оборотень склоняется ниже. Горячее дыхание опалает кожу, только сам он холодный и насквозь мокрый от дождя.

– Отпусти меня! Бесчувственная обезьяна! Ты хоть представляешь, что я пережила за эти часы?! – выплевываю ему в лицо, потому что ничего другого мне не остается.

Сердце грохочет. К щекам приливает кровь. Но и на его суровой физиономии впервые появляются хоть какие-то эмоции.

Злитесь?! Что ж, отлично. Потому что я тоже чертовски зла.

Брук рычит на него, громко лает. Он – мой защитник, так заложено программой. Даже на расстоянии распознает, если со мной что-то не так, например, поднялся пульс, или кожа начала выделять торибоны – феромоны страха и тревоги. А вот прямо сейчас я в бешенстве, сердце колотится с такой силой, будто готово выпрыгнуть из груди, а значит и этих самых феромонов в воздухе хоть отбавляй.

Помощь Брука мне точно не помешала бы и его острые зубы, если бы не проклятая цепь. Разведя руки по сторонам, дикарь продолжает меня удерживать. Потемневший мужской взгляд прожигает кожу, с его темных волос капает дождевая вода, попадая прямо мне на лицо. Я сцепляю челюсти и отворачиваюсь – не хочу на него смотреть, но и сдаваться не собираюсь: сжимаю кулаки, дергаюсь, брыкаюсь, пытаюсь вывернуться из захвата.

Бруклин тоже рвется с цепи, встает на задние лапы, словно это может помочь дотянуться до нашего общего обидчика. И тут к своему удивлению я кое-что замечаю: на его передней лапе наложена такая же шина, что и на моей ноге.

Выходит, он не сам пришел? Это дикарь нашел его, подлатал и привел ко мне?

Повернув голову в другую сторону, я вижу брошенную у костра дичь, что-то похожее на кролика и примерно тех же размеров птицу.

«Он что, еще и еду для меня раздобыл, при чем на выбор? А я его поленом по голове... Да уж, нехорошо вышло», – озаряет меня, будто вспышкой.

Овладевшая мною ненависть отступает. Тело обмякает, подбородок дрожит, глаза наполняются слезами. Они текут сами по себе, а я наконец решаюсь взглянуть в лицо дикарю, который меня удерживает и ничего не предпринимает, словно знает, что рано или поздно образумлюсь.

– Ведь это ты привел Брука? – мужчина не отвечает, но я и так знаю, что он. – Прости, я не должна была нападать на тебя. Просто очень испугалась, когда ты оставил меня здесь совсем одну, еще и приковал цепью. Понимаешь?

Странно, но ощущение такое, что действительно понимает. Глубокие морщинки между бровей расправляются – дикарь больше не хмурится, просто разглядывает меня. С интересом смотрит на то, как шевелятся мои губы, прислушивается к моему тихому, подрагивающему от волнения голосу и рваным вдохам.

Он отпускает сперва одну мою руку, затем другую, а я не шевелюсь, признавая свою ошибку и поражение.

4 глава

Дикарь поднимается в полный рост и первым делом прикладывает руку к затылку. Он снова хмурится, только теперь понятно почему. Крови на его ладони нет, это радует, но шишак должен налиться приличный, и все по моей вине.

Я тоже встаю, тихо, аккуратно, стараясь не привлекать к себе внимания, и почти на карачках перемещаюсь поближе к Бруку. Пес радуется, тычется мокрым носом в мое лицо, лижет меня в щеку, я ласково обнимаю его в ответ.

Вот это мы попали, дружище. Но ничего, похоже, самое страшное позади.

По сравнению со мной Брук выглядит отлично, хоть еще вчера, после боя с паучихой, был почти трупом. Опыт нордианцев показал, что

самовосстанавливающаяся органика гораздо лучше механических запчастей. Клетки в кибернетическом организме Бруклина регенерируют с такой скоростью, что мне даже с введенным препаратом остается только завидовать. А вот сломанную кость на место пес самостоятельно бы не вправил. За это оборотню отдельное спасибо.

Резким движением мужчина поднимает с пола остатки полена, выпавшего из моих рук. От его красноречивого взгляда я невольно съеживаюсь. Если он решит со мной покончить, мой череп вряд ли это выдержит. Но я все равно не отворачиваюсь. Так или иначе, моя жизнь в его руках, а какой бы ни была смерть, я приму ее достойно.

Удовлетворенный моей реакцией, он едва заметно кивает и бросает полено в костер, а я набираю полную грудь воздуха, поймав себя на мысли, что все это время не дышала вовсе.

А дальше происходит то, чего я никак не ожидаю. Одним метким ударом ноги он пинает пойманную дичь в мою сторону, а затем, подойдя ближе, прямо в тушку птицы показательно вонзает свой нож. При этом дикарь не выглядит агрессивным, напротив, это скорее похоже на жест примирения. Иначе с какой стати после нападения ему доверять мне еще и холодное оружие?

Он что, хочет, чтобы я ее приготовила???

Мои глаза лезут на лоб от удивления. Да я за всю свою жизнь ничего подобного в руках не держала, и даже не представляю, с какой стороны к этой иноземной пучеглазой курице подступить!

Нет, я, конечно, помню, как родители покупали в супермаркете готовые разделанные тушки индейки, чтобы запечь их на рождество. Но мне тогда было меньше десяти, да и готовилась птица в духовом шкафу. А потом, когда я попала на корабль к нордианцам, для того, чтобы получить свой дневной рацион, достаточно было просканировать сетчатку глаза у специального аппарата и вовремя подставить поднос.

Сам дикарь не задается вопросом, как я это буду делать, и умею ли вообще. Подхватив топор, он направляется к выходу, чтобы пополнить до темноты запасы дров. Проливной дождь и вспышки молний его не останавливают, да и от

голода, в отличие от меня, он, похоже, совсем не страдает.

– Ну конечно, пока охотился, уже успел заморить червячка, а то и не одного, – нервно усмехаюсь я, обращаясь к Бруку, и тот по-собачьи улыбается, кивая приоткрытой пастью с высунутым языком.

Натерпевшиеся за день пальцы и сгибать-то больно, не то что общипывать птицу. Но делать нечего. Прежде чем готовить, теоретически нужно довести ее до состояния той самой тушки из супермаркета, чем я и занялась.

Без чертыханий и прочих ругательств не обходится. Кажется, эти проклятые перья облепили меня с ног до головы. Я уже реально отплеываюсь ими, а дело все не движется. В какой-то момент у меня начинает хоть что-то получаться, и я стараюсь дальше, подстегиваемая надеждой нормально поужинать.

Дикарь, вернувшийся в пещеру с огромной стопкой дров, мои успехи не находит занятыми. Даже напротив, окидывает меня таким взглядом, будто я умалишенная, но при этом не вмешивается.

Продолжает воспитывать? Ясно.

Ничего. Если не домочаю, я эту куру просто сварю и все равно съем, пусть даже с перьями. Все лучше, чем его вонючие червяки.

Бросив поленья в кучу, мужчина первым делом стягивает с себя мокрую куртку, хорошенько встряхивает и развешивает сушиться на специальную веревку. Оказывается, в этой пещере имеется и такая. Затем подходит очередь футболки, облепившей его тело будто вторая кожа. Ее он тщательно отжимает и проделывает те же процедуры.

Я стараюсь не пялиться на него – слишком много чести. Но пока он стоит ко мне спиной, позволяю себе поднять голову и неожиданно залипаю. Разглядываю, как в свете костра по его крепкой спине скатываются дождевые капли, и как гармонично смотрится необычный черный рисунок, переходящий с плеч на лопатки, подобно крыльям.

В какой-то момент мужские руки опускаются ниже, к застёжке штанов, и тут он резко оборачивается, вспоминая о моем существовании. Пойманная на подглядывании, я не успеваю отвести взгляд, и дергаюсь от испуга. Нож соскальзывает. Острое лезвие, прочертив по перу, но так и не подцепив его, вонзается прямиком в мой палец. Я вскрикиваю, наблюдая, как по ладони спускается яркая струйка крови. Перед глазами плывут круги.

Черт бы меня побрал вообще смотреть в его сторону! И чего я там не видела?

– Мейди, – или что-то вроде того неожиданно выдает он на своем, глядя на меня, как на тридцать три несчастья, свалившиеся на его голову.

– Дана, – приподнимаясь стучу себе в грудь, и вновь повторяю имя. В конце концов, познакомиться можно и без переводчика.

Но то ли дикарь меня не понимает, то ли ему имя мое не понравилось. В итоге он качает головой и уже сам стучит мне в грудь, повторяя:

– Мейди.

Ладно, хрен с тобой, Мейди, так Мейди. Надеюсь, это не какое-то ругательство. Хотя, если даже так, я все равно никогда этого не узнаю.

Подхватив мою руку, помимо пореза покрытую занозами и ссадинами, он будто бы меняется в лице.

Неужто сжалился?

Тащит меня к ведру с водой, помогает промыть рану, дает промокнуть какой-то тряпкой. А ведь я и не просила, сам вызвался.

– Оххша, – узнаю я еще одно слово на его языке, когда мужчина приносит склянку с заготовленным лишайником.

«Так вот от чего такой гадкий запах в его лечебной жиже!» – сразу понимаю я, едва он приподнимает крышку.

– Нет-нет, пожалуйста. Может, обойдемся без этого? – сопротивляюсь я, состряпав брезгливую физиономию.

– Оххша, – настаивает дикарь, и, размяв специальной ступкой, наносит лечебную кашицу на мою рану, перебинтовывая сверху каким-то старым лоскутом.

Ладно, все-таки не какашки, уже хорошо. Хотя, запах мог бы быть и получше. Натурпродукт, блин.

Закончив с обработкой моих рук, оборотень сам берется за приготовление птицы. Делает несколько надрезов в нужных местах, за считанные секунды сдирает с нее шкуру, вытаскивает внутренности, откинув их в отдельную емкость, и в завершении нанизывает дичь на заготовленные прутья, устанавливая над углями. Глядя на то, как ловко он с этим справляется, хочется аплодировать, причем стоя.

Совсем скоро пещера наполняется запахами нормальной еды, а мой несчастный желудок подает голос. Дикарь не отходит от костра, периодически вращая птицу на вертеле, а когда она становится готова, делит на части и протягивает мне миску с парой аппетитных кусочков.

От одного ее вида рот наполняется слюной.

– Спасибо...

В этот раз он ничего не отвечает, но и есть не торопится. Просто садится на пень со своей порцией, внимательно за мной наблюдая.

– Как же это вкушно! – выдаю я с набитым ртом, невольно вспоминая ту самую рождественскую индейку маминого приготовления. Даже без всяких приправ местная птица вышла не хуже, или мне это только кажется после пережитых испытаний.

Оборотень тоже доволен. По его скупому на эмоции лицу этого не различить, но глаза не прожигают меня насквозь, и мышцы кажутся более расслабленными. Он так и сидит передо мной с обнаженным торсом: сильный, здоровый, покрытый бронзовым загаром и необычными рисунками. А я уже не смущаюсь его наготы,

понемногу смиряясь с этой странной картиной и столь близкому присутствию абсолютно чужого человека в моей жизни.

Остатки нашего ужина дикарь отдает Бруку. Вообще он и без еды может обходиться, но мужчина, который с интересом наблюдает за моим кибернетическим псом, этого не знает.

Что ж, не будем раньше времени раскрывать карты.

– Ешь, – отдаю команду, и тот с должным аппетитом набрасывается на кости. После ранения и Бруку будет не лишним пополнить запасы органики.

* * *

Ближе к ночи температура в пещере падает. Моего горячего «сожителя» это не особо беспокоит. Как был, в одних штанах, он укладывается в кровать, даже не укрываясь шкурой. Руки закидывает под голову и какое-то время просто лежит, глядя в потолок. Только я знаю, что он не спит, слышу, как тяжело дышит.

У меня и самой слипаются глаза, но лечь в одну постель с оборотнем я не решаюсь. Может, когда уснет? Постепенно его дыхание действительно становится тише, но и тогда я не могу заставить себя сдвинуться с места. Так и сижу возле Брука, время от времени поглаживая пса забинтованной рукой.

В лесу стелется ночной туман. По полу тянет холодом, и я невольно начинаю стучать зубами. Подкидываю еще одно полено в костер, тут же грея руки. Пламя разгорается ярче.

– Мейди! – раздается грозно. Сонный оборотень поворачивается на бок, похлопывая по половине кровати.

Вот же черт! Это он что, меня к себе зовет? И как такому откажешь?

– Нет, спасибо. Мне и здесь нормально, – для убедительности качаю головой, только это не помогает, потому что он приподнимается на локте и снова стучит ладонью, указывая мое место.

Деваться некуда. Нерешительно подхожу ближе, присев на самый край. Сердце стучит так громко, что только его и слышу. От волнения я часто разговариваю сама с собой, вот и сейчас вырывается ненароком.

– Мейди, Мейди... А тебя-то как звать? – робко поворачиваюсь к мужчине, указывая на него пальцем.

Темные глаза внимательно изучают мое лицо. Понял или нет? Поди его разбери, ни одной эмоции.

– Тео, – произносит он, резко перехватывая мою ладонь и прижимая к своей груди.

Я испуганно дергаюсь от такой реакции, глаза распахиваются шире.

Надо же, и правда горячий, как печка! Кончики моих пальцев по сравнению с ним кажутся просто ледяными. Но гораздо больше удивляет другое – сердце в его груди бьется так же быстро и громко, как мое собственное.

Вот тебе и бесчувственный чурбан.

Засыпая, я стараюсь держаться от оборотня подальше. Пусть на одной кровати и под одной шкурой, какое-то расстояние между нами все равно остается, а я боюсь пошевелиться, чтобы не нарушить эти условные границы. Зато утром, едва первые лучи проникают в пещеру, обнаруживаю, что лежим мы вплотную, а он еще и прижимает меня к себе, закинув мне на талию тяжелую руку.

Естественно, я пытаюсь высвободиться и начинаю ерзать, но этим лишь усугубляю ситуацию. Дело в том, что мой защитный костюм из сверхпрочной ткани обладает еще и сверхчувствительностью. А когда мне в ягодицу упирается что-то твердое, что я даже в собственных мыслях не решаюсь озвучить...

«Мама дорогая! Да никакой это не фонарик, а целое фонарище!» – подскакиваю я, тут же краснея, и подхватив по дороге свой «костыль», тихонько ковыляю к выходу, пока дикарь не проснулся.

Брук кладет морду на лапы и провожает меня тоскливым взглядом. Он бы и сам с удовольствием прогулялся, но вместо этого должен послушно сидеть на цепи. Нога, на которую я все еще с трудом наступаю, сдерживает меня не слабее его поводка. Но я далеко и не собираюсь, только справить нужду в ближайших кустах и умыться в реке.

Так я и делаю. Странно, но дикарь не следит за мной, даже из пещеры не выходит. Или просто знает, что с переломом и без Бруклина я все равно никуда не уйду, не брошу своего верного друга.

С кустами все проходит гладко, не считая парочки надоедливых насекомых. По сравнению с земными они похожи на мутантов, и я едва не кричу в голос, когда острое жало вонзается в обнаженное бедро. Лишь мысль о том, что, раздвинув кусты, здесь окажется еще и дикарь, застав меня не в самом приглядном виде, заставляет вовремя заткнуться.

«Ничего, подумаешь светящийся радиоактивный комарик укусил? Если Тео ловит их одной левой, скоро и я научусь», – прихрамываю по направлению к реке, не скрывая невротической улыбки, а в своих мыслях незаметно начинаю привыкать к тому, что у оборотня есть имя.

Река в этом месте неширокая, но глубокая. Вода у берега чистая и прозрачная. Разбинтовав ладони, я тут же тянусь к ней, чтобы смыть поскорее застывшую вонючую кашу, и посмотреть, как заживает рана. К моему удивлению, от нее почти не осталось следа, края стянулись. О вчерашних занозах напоминают лишь царапины.

Да, введенный регенератор все еще циркулирует в моей крови, но и в целебных свойствах этого чудо-лишайника я больше не сомневаюсь.

Эх, хорошо! Пусть водичка прохладная, зато сразу вспоминаешь, что ты – человек! Вот бы еще зубы почистить и помыться нормально, да только как это сделать?

Закатав рукава и расстегнув молнию на груди, я тянусь все дальше. Камни на берегу скользкие, и удержаться на них непросто. Когда на меня из воды выныривает здоровенная рыбина, похожая на водную змею, фактически засосав мою руку, я этого совсем не ожидаю и ору во всю глотку.

– А-а-а! Помогите!!!

Подхватив увесистый камень свободной рукой, я пытаюсь отбиться. Рыбина извивается, все больше затягивая меня в воду.

Брук чувствует, что я в опасности, его лай из пещеры разносится эхом по всей округе.

– Что за проклятая гадина?! А ну, отцепись! – продолжаю бороться, цепляясь ногами за берег.

Тео, где же ты?!

Крепкие руки в последний момент подхватывают меня за щиколотки, вместе с «уловом» вытягивая на берег.

Вот это силища!

Я кашляю – нахлебалась воды, рука, зажатая пастью, онемела. Ощущение, будто на нее тугой жгут наложили.

– Мейди... – рычит сквозь зубы Тео, наступив чудовищу на хвост, и тут же своим острым ножом вспарывает рыбине брюхо.

Тиски разжимаются. Склизкая пасть с присосками сползает с моей руки словно перчатка, а я наконец могу пошевелить пальцами. Главное, все они на месте, что сейчас важнее всего.

Пока дикарь проводит над уродливой рыбиной одному ему понятный ритуал, словно читает молитву, а затем разделяет ее на куски, я отползаю подальше от берега. Меня трясет, но это вовсе не от холода, хоть я и промокла насквозь.

Я всего лишь хотела умыться, а в итоге снова едва не погибла. Все на этой кровожадной планете создано убивать. Не мудрено, что на Зирте не зафиксировано разумной жизни. Такие, как Тео – единичные случаи. Слабым женщинам и детям здесь не выжить.

– Мейди... – присев рядом со мной, мужчина берет меня за руку, прощупывает кисть и предплечье на предмет ранений.

– Все в порядке, – дергаю я руку, не желая казаться слабой, а еще показывая, что могу двигать ей как прежде.

Храбрюсь, а у самой зубы стучат и льются слезы по щекам. Дикарь помогает мне подняться и ведет обратно в пещеру. Лишь убедившись, что я цела и невредима, Брук замолкает.

– Ки шлэк, – говорит Тео, кивая сперва на мой мокрый костюм, а затем на веревку, где всю ночь сохла его одежда.

– Высушить? – кажется, я понимаю ход его мыслей, и уже касаюсь молнии дрожащими пальцами. – Хорошо. Только отвернись, – подтверждаю сказанное жестами, и он без лишних слов выходит из пещеры, но прежде кидает мне свою футболку.

Она огромная для меня, как платье, и точно несвежая, хоть и промыта дождевой водой. Но в моей ситуации лучше так, чем оставаться наедине с оборотнем совсем голой. С другой стороны, если дикарь захочет мной воспользоваться, никакая одежда его не остановит.

Когда Тео возвращается, нанизав на прутья куски рыбы, я в его футболке уже греюсь под шкурами. Лишь мельком взглянув в сторону веревки, где сохнет мое белье и костюм, мужчина на меня почти не смотрит, занимается своими делами. Я в свою очередь стараюсь не смотреть на него, что нас обоих вполне устраивает.

Меня и так окутывает его запах с нотами дыма, пота и хвои, заполняет легкие, въедается в кожу. От ощущения, что я пропиталась им насквозь, уже никуда не деться. Мне неприятно. Этот запах чужой для меня, как и сам мужчина, а еще он отчего-то пробуждает болезненные воспоминания о Земле.

Я стараюсь не показывать этого и вести себя как обычно. Только Тео снова хмурится без причины, будто чувствует мое внутреннее напряжение. После завтрака, ни слова не говоря, он собирает наши вещи, отвязывает Брука и тащит меня за собой в неизвестном направлении.

5 глава

Брук немного прихрамывает, но передвигается быстрее нас, успевая нарезать круги и разнюхивать обстановку. Следуя за Тео, мы пересекаем полосу леса и выходим на поле, где, к моему очередному удивлению, пасутся дикие кони. Оборотень подносит руки ко рту, складывая особым образом, и издает звук, на который один из жеребцов тут же откликается.

Впервые за время нашего знакомства я улавливаю на мужском лице что-то похожее на улыбку. Ну как улыбку? Уголки губ слегка подались в стороны, так и не обнажив зубы. Но мне достаточно и этого, чтобы замереть на месте, уставившись на Тео и его питомца неверящим взглядом.

Выходит, не все животные, населяющие эту планету, мутанты, встречаются и вполне нормальные.

Конь хорош: высокий, поджарый, однотонного темно-коричневого окраса. Покрупнее, чем те, что были на Земле, но в целом никаких особых различий я не замечаю.

Шаг за шагом зверь подходит ближе, давая понять, что они с Тео старые знакомые. Бруклин радостно лает, приветствует по-собачьи, чем пугает коня, и я прошу его уgomониться. Он замолкает, но с прежним усердием продолжает вилять хвостом.

– Залди, – произносит Тео негромко. Широкая ладонь опускается на гриву, ласково поглаживая.

Разобрать бы еще, что это: кличка, или кони в целом?

– Залди, – пробую и я новое слово на вкус, тоже протягивая руку.

Конь раздувает ноздри и сперва сторонится меня. Тогда Тео перехватывает мою ладонь и накрывает своей, решительно опуская на коня. Он закрывает глаза, его

ладонь становится немного горячее, а животное затихает, позволяя себя оседлать.

«Странно все это, будто в телепатическую связь с конем вступил. Но ведь такого не бывает?» – мысленно усмехаюсь я, отвечая на протянутую руку, за которую Тео подтягивает меня следом, усаживая перед собой.

Свой путь мы продолжаем верхом, Брук бежит за нами. Конечно, так удобнее, чем передвигаться пешком с моей-то ногой. Но мне все равно страшно. Слишком близко сидит дикарь, обхватив меня со спины крепкой рукой. Его ноги вплотную притираются к моим бедрам, горячее дыхание обжигает затылок. А еще мы все дальше удаляемся от гор, и реки, а значит, и от корабля, до которого я не оставляю надежды добраться, чтобы отправить сигнал.

Густой лес постепенно редееет, ландшафт меняется. По правую сторону от нас вырастает длинная прямая стена, сплошь покрытая вьюнком. Когда она заканчивается, я оглядываюсь, замечая торчащую из строения арматуру и еще пару поваленных блоков, не прикрытых растительностью.

Показалось?! Нет, я вижу это собственными глазами. Но откуда на дикой планете, где не существует разумной жизни, обломки строения, возведенного явно не пещерным человеком?

– Пожалуйста, останови! – кричу, будто потерпевшая, то и дело оглядываясь и размахивая руками.

Неохотно, но Тео все-таки тормозит коня и спрыгивает на землю. Он помогает мне спуститься, а затем терпеливо ждет, пока я возвращаюсь, ковыляя до той самой арматуры, расчищая костылем заросли. Я не ошиблась, здесь действительно когда-то было здание и вполне современное по земным меркам. Только кто-то или что-то его разрушило. Тянусь рукой к заржавевшему металлу, а в голове рождаются разные невероятные теории.

– Итшэ-итшэ! – поторапливает меня дикарь, подозрительно оглядываясь по сторонам, словно почуял опасность.

В подтверждение этому Брук начинает истошно лаять.

– Ладно, уговорили, – бубню себе под нос, прощаясь с обломками цивилизации и разворачиваясь к коню, но тут спотыкаюсь и падаю напрямик на какой-то яркий металлический диск, припорошенный слоем песка и листвы.

«Дорожный знак?!» – всплывает первая ассоциация в моей голове, а я начинаю тереть его рукой, чтобы разглядеть надпись.

Тут Тео не выдерживает. Знакомо хватает меня за шкуру и фактически закидывает на коня, срываясь с места.

– Эй! Мне так неудобно!

– Шан ра мэ! – приказывает он заткнуться, а Залди пускается вскачь, все быстрее удаляясь от этого места.

Вот и поговорили.

В какой-то момент Тео становится жаль меня, и он помогает мне сесть как прежде, крепко обхватив рукой со спины. Мне неудобно от его горячей ладони на талии, но я уже не сопротивляюсь. Уж лучше так, чем болтаться поперек коня подобно сосиске и постоянно бояться, что вот-вот свалишься. Страх покалечиться, а то и умереть, с лихвой пересиливает смущение.

Чем дальше мы скачем, тем больше я понимаю, что с этой планетой все не так просто, как казалось сначала. В небе над нами кружат птицы-мутанты с размашистыми крыльями и вытянутыми челюстями. Я невольно запрокидываю голову, упираясь в плечо Тео, чтобы их рассмотреть.

Совсем рядом, вынырнув на опушку из чащи леса, сломя голову проносится стадо чем-то напуганных парнокопытных с небольшими рожками. Я не знаю, как их назвать, с таким голубоватым окрасом и развесистыми ушами на головах никого на Земле не припомню, зато понимаю этих зверюг отлично. Мне и самой хочется бежать подальше, я чужая на этой планете, все вокруг только и делает, что напоминает об этом.

Доскакав до обрыва, перед нами открывается вид на полуразрушенный мост с массивными опорами в неоготическом стиле, почти как у Бруклинского. Тут у

меня реально отвисает челюсть.

Залди смело ступает на него, словно проходил тут тысячи раз. Ветер шумит в ушах, окончательно растрепав волосы. От высоты кружится голова. Будто чувствуя это, рука на моей талии сжимается крепче, а меня не оставляет вопрос: если есть следы человека, то куда же подевались сами люди?

За мостом местность становится холмистой. Впереди тянется очередной горный хребет, отгораживая нас высокой стеной. У его подножия стелется лес, туда мы и направляемся. Залди останавливается у небольшого озера. Здесь довольно тихо и безветренно. От воды поднимается пар, и я сразу догадываюсь, что Тео привез меня на геотермальный источник.

– Это правда?! Здесь можно купаться? И никаких водных чудовищ? – зачем-то спрашиваю я, не скрывая благодарной улыбки, хоть он и не понимает ни слова.

Мужчина смотрит на меня с интересом, черты его лица смягчаются. Спешившись с коня, он протягивает руки, подхватывая меня за талию, а когда я уже уверенно стою на ногах, не сразу отпускает.

Всего доля секунды, но я смущаюсь от его взгляда и отвожу глаза. Крепкие ладони на талии разжимаются, и я спешу угомонить Брука, который с веселым лаем принялся гоняться по берегу за местными стрекозами.

По сравнению с прохладным утром погода разгулялась на славу, и мне хочется поскорее забраться в воду, если она действительно для этого пригодна. Но у моего строго дикаря на все свои порядки.

Тео скидывает наши вещи на берег, а подойдя к воде, показывает мне на огромный черный булыжник, разделяющий заход в воду. Он касается его ладонью, я делаю то же самое.

Камень теплый. Сегодня действительно хорошо припекает. Стянув с себя футболку, Тео стирает ее в озере: со знанием дела «намыливает» корнем особого растения, которое цветет пышными шапками здесь же на берегу и дает неожиданно густую пену, тщательно полощет, отжимает и развешивает на камне.

Что ж, понятно, устроим стирку. Я одобрительно киваю, проделывая то же со своими вещами. Кто бы мог подумать, но отстирывает этот корень действительно неплохо, да и пахнет вкусно, никаких концентратов не нужно.

Когда я слышу плеск воды на его половине, то сперва пугаюсь. Вдруг и здесь водится похожая рыба-змея? Такое знакомство не скоро забудешь. Но стоит мне выглянуть за булыжник, я вижу, как Тео пересекает озеро, умело работая руками, а затем еще и ныряет, сверкая голыми ягодицами. Его штаны и трусы, которые оказывается тоже имеются, уже постираны и аккуратно разложены на камне.

– Мама дорогая! – хихикаю я, возвращаясь на свою половину «для девочек». Будем считать, я ничего не видела.

Отмокнуть в теплой воде и помыться после пережитого сродни настоящему счастью. Постиранные вещи за это время успевают выветриться и неплохо просохнуть. Облачившись в чистое белье и защитный костюм, я чувствую себя на порядок лучше.

Но особенно радует ощущение свежей головы. Смыв с волос пот, пыль и застывшую кровь, они возвращают свой естественный цвет и струятся по плечам белоснежными прядями.

То ли это от воды испаряются какие-то особые пары, витающие в воздухе, то ли здесь действительно безопасно. Но впервые за время пребывания на Зирте мне спокойно и не хочется озираться по сторонам. Когда мы с Тео вновь встречаемся на берегу, чистые и даже отдохнувшие, то невольно разглядываем друг друга, словно впервые увидели.

Капли воды стекают по рельефной мускулистой груди. Мужчина поднимает голову и устремляет на меня глубокий взгляд пронизательных карих глаз, наблюдая, как я пытаюсь расчесать длинные волосы руками. Жалкое зрелище, обычной расчески в этот момент мне очень не хватает. Но я не сдаюсь, продолжая свое нелепое занятие, между делом разглядывая его в ответ.

Прямой нос, темные брови вразлет, высокие скулы, четко очерченные губы, чистая кожа, покрытая приятным ровным загаром... А он привлекательный. Не

такой, как бледнолицые голубоглазые нордианцы с их идеальными чертами, но по-своему видный и мужественный. Если сбрить его ужасную бороду, я бы даже сказала, красивый... От этой мысли я почему-то робею.

Тео делает шаг вперед, затем еще один. Я смущаюсь и нервно сглатываю, но это не останавливает мужчину, чтобы протянуть руку, с упоением пропуская между пальцев прядь моих волос.

- Мейди...

Обычно его голос резкий, немного грубый, но сейчас он звучит почти ласково, и эти перемены настораживают. Подхватив за руку, оборотень тянет меня за собой в сторону леса. Сердце учащает ход. Только выбор у меня небогатый, и я покорно следую за ним, даже не представляя, чего ждать дальше.

Залди щиплет траву, набегавшийся Брук отдыхает под деревом. Тео усаживает меня рядом с ними, и ненадолго уходит. Вернувшись, он вновь подхватывает мою руку, в этот раз, чтобы пересыпать в ладонь сочные красные ягоды, которые успел где-то собрать.

- Съедобные? - спрашиваю отчего-то взволнованно.

Ну, конечно, съедобные, иначе стал бы он мне их предлагать? Если только ему в конец не осточертело со мной возиться, то и дело вытаскивая из разных передряг.

Мужское лицо остается серьезным, зато глаза улыбаются. Подхватив одну ягоду, он наглядно закидывает ее в рот и с удовольствием пережевывает, усаживаясь рядом со мной на густую траву.

- Вкусно, - замечаю я, распробовав местное лакомство, и снова улыбаюсь. - Спасибо.

- Спа-си-бо, - повторяет он по слогам, впервые проявив интерес к языку, на котором я говорю, и этот факт удивительным образом сближает.

- Как называются эти ягоды? - хочу узнать, пользуясь случаем.

– Асуи, – учит меня Тео.

– Асуи – это вкусно, очень вкусно, – киваю головой, и осмелев, подхватываю пару ягод из его широких ладоней, потому что в моей они слишком быстро закончились.

Собрав остальные постиранные вещи, мы садимся на коня и возвращаемся обратно. Перестав дергаться от каждого шороха в надежных руках Тео, я начинаю подмечать едва заметные детали и запоминаю дорогу.

Местное светило стремится к горизонту. Погода меняется, порыв прохладного ветра заставляет поежиться. Мои растрепанные волосы застилают мужское лицо, и я спешу собрать их в подобие косы, пока он сам их не обрезал. Только без заколки в этом нет толка, и они снова рассыпаются по плечам непослушными прядями.

Надо бы спешить, еще немного и нас поглотят сумерки. Но, едва ступив на мост, Тео останавливает коня. Он снова закрывает глаза, опустив ладони на шею Залди, и шумно втягивает ноздрями воздух, словно способен что-то в нем распознать, кроме нот хвои и дорожной пыли.

Отступив назад, мы резко разворачиваемся и долго скачем вдоль обрыва, так быстро, что бедняга Брук едва за нами успевает. Тео напряжен. Что-то случилось, я чувствую это.

Хочется спросить, куда мы так торопимся? Но, говоря на разных языках, мне остается только довериться своему дикарю и положиться на его чутье.

Вокруг нас снова лес, посреди которого раскиданы огромные булыжники, как тот, что был на озере. Мы спешились, но я все еще не понимаю, куда Тео меня ведет, потому что не вижу здесь ни хижины, ни той же пещеры, где можно было бы переночевать. Или он собирается расположиться прямо под открытым небом? Если так, то эта идея мне совсем не нравится.

В какой-то момент дикарь останавливается, откидывая в сторону поваленные ветки, и слой мха, за которым скрывается потайная дверь, надежная, металлическая, как из моей прошлой жизни на Земле. Сняв с Залди наши вещи, он прощается с конем, проводя знакомый ритуал, и тот бесшумно скрывается в

лесу. Мне не понятно происходящее, остается только наблюдать и строить предположения. Но я слишком устала даже для этого, а еще порядком проголодалась после долгого пути.

Любознательный непоседа Брук тоже притих, выносливость кибернетического организма превосходит мою, но и ему не мешает восстановить силы.

Открыв дверь в свое подземное убежище, Тео бросает туда наши вещи. Я подхожу ближе, пытаюсь понять, что внутри и глубоко ли. Но там темно, виднеется лишь край сколоченной деревянной лестницы, уходящей в никуда.

Тео торопится, будто нам что-то угрожает. Подхватив на руки Брука, он первым спускает его вниз.

- Тихо, будь хорошим мальчиком, - приказываю я на всякий случай и пес перестает крутиться в мужских руках.

Сама установила в его настройках максимальную схожесть поведенческих реакций с обычной собакой, но вот в такие моменты даже неплохо, что Брук может быть еще и послушным робопсом.

Оставшись в одиночестве на поверхности, мне страшно. Пронизывающий ветер гуляет в верхушках деревьев и пробирает до костей. А еще из глубины стремительно темнеющего леса доносятся не самые дружелюбные звуки.

Я бы спустилась за ними следом, но с моей ногой лучше не рисковать. Кто знает, как глубоко ведет под землю эта шаткая конструкция?

Когда голова Тео вновь показывается на поверхности, я вздыхаю с облегчением.

- Иштэ-иштэ, - поторапливает он, бросая взгляд в ту сторону, откуда мы только что приехали, а я и сама с радостью ступаю к нему на лестницу.

Тео придерживает меня сзади, страхует, но, стоит перенести вес на сломанную ногу, я тихо стону, скривившись от боли.

- Мейди... - вырывается с негодованием, горячее дыхание обжигает шею.

Что поделаешь? Стараюсь, как могу. А еще мне все больше кажется, что это его Мейди – ни что иное, как какое-то отборное ругательство.

План меняется, только я об этом узнаю по факту. Одним резким движением дикарь разворачивает меня к себе лицом. Лестница пошатывается, держаться больше не за что, и я машинально обхватываю его за плечи, вцепившись, будто обезьянка. Оказавшись в объятьях мужчины, я заливаюсь краской. Хорошо, что здесь темно, и он этого не видит.

Вдалеке на поверхности раздается громкий протяжный звук, и это явно не дикий зверь, а какой-то сигнал. Вот только чей сигнал и к чему? Я вздрагиваю от испуга.

– Тшш, – шепчет Тео, коснувшись ладонью моих губ.

Не шуметь. Ясно.

Он ускоряется, приподнимая меня и разводя ноги в стороны, чтобы я обхватила его за талию. Так мы и спускаемся вниз, где меня послушно ожидает Брук, тычась мокрым носом в ладонь.

Дикарь вновь поднимается по лестнице, плотно закрывает изнутри металлические ставни. Лишь тогда в его руке загорается фонарь. Блеклый луч выхватывает полосу света, а я озираюсь по сторонам, понимая, что забрались мы в какое-то огромное помещение со стройным рядом стеллажей от пола до потолка, причем попали в него через крышу.

6 глава

– Тихо, Брук, тихо, мальчик, – шепчу я, обнимая пса. Но он и не думает волноваться, больше всех здесь волнуюсь я.

Спустившись с лестницы, Тео велит мне оставаться на месте, в то время как сам со знанием дела направляется к одному из стеллажей. Возвращается он, держа

в руках две зажженные свечи. Одну из них передает мне.

Похоже, с батарейками здесь напряг, вот и бережет фонарь на черный день. Хотя, куда уж чернее?

Заполучив источник света, я чувствую себя несколько увереннее. Мужская рука вновь сжимает мою ладонь и тянет за собой. Понемногу глаза привыкают к темноте, и даже в тусклом свете мерцающих свечей я начинаю различать что-то вокруг.

Мы идем, а стеллажи все не кончаются. Те, что на нижних рядах, совсем пустые, зато на верхних лежат огромные коробки, припорошенное толстым слоем пыли. Конечно, меня разрывает от любопытства, что внутри, но рука оборотня так напряжена, что я не решаюсь ступить и шага в сторону.

Мы сворачиваем за угол, и мое представление о месте, где мы оказались, разом меняется. Это похоже на выставочный зал в гипермаркете, а прямо перед нами вполне уютный диван и столик.

– Охренеть, – выдаю я на эмоциях. Выходит, где-то там, должны быть кассы или стойки самообслуживания. Какой магазин без этого?

Меня так и тянет пойти проверить свою теорию, но Тео вряд ли это понравится. На диван я тоже не спешу садиться, опасаясь, что тот рассыплется трухой за давностью лет. Зато Брук не отказывает себе в удовольствии устроиться с комфортом, и диван, вроде как, выдерживает.

Тео ставит свою свечу на стол, предварительно полив место для нее воском, а моя выпадает из дрожащих рук и гаснет. Все от того, что прямо над нами потолок сотрясается от топота, а еще доносятся воинственные крики, словно несется целое полчище кровожадных дикарей.

Сильная рука рывком притягивает меня к себе, обхватывая за талию.

– Тшш, – знакомо повторяет Тео, накрывая мои губы теплыми пальцами, чтобы я и сама ненароком не закричала. А я, если честно, очень близка к этому. Сердце сигануло прямиком в пятки, отбивая оттуда безумный бит.

Я замираю в его руках, не в силах пошевелиться. Пламя свечи трепещет, как и мои ресницы. На его мужественном лице играют тени. Я с трудом различаю черты, но мы так близко, что я отчетливо ощущаю аромат его тела с запахом дождя и хвои. А еще ловлю себя на том, что этот запах мне нравится.

– Мейди... – тяжелая рука скользит вдоль позвоночника. Он и сам тяжело дышит, а меня от его горячего дыхания пробирает до странной ломоты в теле.

Тео продолжает смотреть на меня, словно вокруг ничего не происходит, а мне абсолютно нечего бояться. Только я и сама уже не знаю, чего боюсь больше: того, что разворачивается снаружи, или здесь, между нами. От его взгляда захватывает дух и все клокочет внутри. Оборотень пугает меня и волнует одновременно, если такое вообще возможно.

Звуки на поверхности становятся все тише, а вскоре и вовсе исчезают. Тогда я делаю шаг назад, отдаляясь от него, опасаясь не столько дикаря, сколько этой нездоровой реакции собственного тела.

«Меня ждет Рон, сын канцлера, первый кадет звездной академии и самый лучший мужчина на свете! Он обязательно найдет меня, и мы поженимся», – мысленно повторяю, словно мантру, и меня понемногу отпускает.

Тео поднимает мою свечу, зажигает от другой и тоже ставит на стол.

– Спасибо, – едва решаюсь произнести, присев на диван рядом с Бруком. Хочу я признавать это или нет, но он в очередной раз всех нас спас. Это дикое полчище на поверхности и близко не походило на цивилизованных людей. Даже страшно представить, что бы они со мной сделали.

Тогда Тео склоняется ниже, оперевшись одной рукой о спинку дивана, и почти шепчет мне на ухо:

– Мид ней сэрато, Мейди.

Звучит красиво, отзываясь мурашками, бегущими вдоль позвоночника. Жаль, я не понимаю, что это значит.

Он снова оставляет меня одну. Какое-то время спустя в дальнем углу начинает что-то истошно тарыхтеть, после чего помещение озаряется светом. Больше половины ламп побито, но даже этого достаточно, чтобы я зажмурилась, давая глазам привыкнуть к нормальному освещению.

Выходит, все это время здесь был резервный генератор, но Тео не торопился его запускать, чтобы снаружи нас не заметили. А этот дикарь не перестает меня удивлять.

Прогулка по заброшенному инопланетному гипермаркету удастся на славу. Мой молчаливый экскурсовод вряд ли получил бы звание сотрудника месяца, но ориентируется он здесь отлично.

- О, женские товары, - радуюсь я, словно ребенок, споткнувшись о манекен.

Тео забирается по стеллажу наверх, скидывая оттуда коробку, обернутую толстым слоем какого-то эластичного герметичного материала, отчего та немного пружинит по полу, а затем еще одну и еще. Возможно, это и сохранило содержимое за столько лет? Он безжалостно вскрывает их ножом, а я обнаруживаю там целую кучу штанов, подбирая свой размер.

К концу нашего «шопинга» мы порядком измотаны, зато мне тепло и комфортно в новых вещах. Все лучше, чем в драном защитном костюме без одной штанины. Там же я нахожу подходящий рюкзак, закидывая в него всякую важную мелочь, которая может пригодиться, вроде нижнего белья, ножниц, ножа, зажигалки, ниток с иглами, небольшого полотенца. Когда Тео умудряется раздобыть для меня расческу, заколки и зубную щетку, я готова его расцеловать.

Мы возвращаемся к столику, куда из другой части гипермаркета оборотень приносит съестные запасы, а после готовит что-то вроде чая на портативной плитке. Батончики с забавными надписями, потускневшими от времени, не вызывают доверия. Сколько лет они тут лежат? Сто или все двести? Но Тео вскрывает их и ест с аппетитом, а он здесь точно не в первый раз.

«Была не была», - решаю для себя и тоже откусываю. Похоже, не только на Земле грешили использованием консервантов, потому что на вкус даже сейчас это вполне съедобно. Вот только никто не даст гарантии, что завтра я не засвечусь подобно местным комарикам.

* * *

Вскоре Тео отключает генератор, и мы засыпаем при свечах. Ночь в супермаркете проходит относительно спокойно. Я буквально вырубаясь от усталости и впечатлений, полученных за день, а утром к своей радости обнаруживаю, что уже более-менее могу наступать на раненую ногу.

Вот бы еще поскорее и от этих дощечек с веревками избавиться, но Тео, которому ничего не ведомо о регенераторе в моей крови, не позволяет раньше времени снять шину и лишь потуже фиксирует ее на ноге поверх штанов.

– Оххша, – напоминает он о необходимости наложить вонючку, как только вернемся в пещеру.

Ну, конечно, куда же без нее? Слава богу, прямо сейчас под рукой у него не нашлось этого самого лишайника.

Собрав вещи, мы выбираемся на поверхность. Первым Тео вытаскивает Брука и лишь потом возвращается за мной. Оказавшись лицом к лицу у лестницы, я растерянно смотрю на него в упор. Мужчина смотрит на меня в ответ. Большой такой и грозный в тусклом свете, льющемся из проема высоко наверху. Но мне уже не страшно. Чувствую, что дикарь не причинит мне вреда. Сейчас, оценивая его предыдущие действия, я понимаю, что это была своеобразная забота. Гораздо больше меня волнует другое, кто я для него: ценный трофей, диковинная инопланетная игрушка? Отпустит ли он меня, когда я окончательно поправлюсь, поможет отправить сигнал и вернуться к моей прежней жизни?

Сегодня я, наверняка, и сама смогла бы подняться, но Тео не позволяет даже попробовать. Резким движением широкие ладони подхватывают меня под ягодицы, разводя ноги в стороны. Я обвиваю его руками и ногами, отводя смущенный взгляд. Не теряя времени, мужчина довольно быстро поднимается наверх. Вроде как случайно я утыкаюсь носом в его ключицу, втягивая ноздрями воздух, а потом сама корю себя за то, что его запах мне не противен, хотя должен бы.

Небо сегодня затянуто облаками. Ветра нет, зато свинцовые тучи в любую минуту грозят пролиться дождем. В лесу тихо. Так мне кажется. А вот Брук

подозрительно наострил уши. По моему приказу он не лает, но я и так вижу, учуял что-то неладное.

Завалив мхом и ветками вход в супермаркет, мужчина складывает руки у рта и подзывает Залди. Тот выныривает из кустов, словно только и ждал сигнала. Я шарахаюсь от неожиданности, а Тео хвалит его, ласково поглаживая. Вот тебе и дикий конь – гений маскировки.

Дальше все происходит слишком быстро. Я и сообразить не успеваю, что делать. Залди срывается с места. Тео сбивает меня с ног, укладывая на землю. Широкая ладонь давит на голову, не позволяя подняться, в то время, как в ствол дерева, у которого я только что стояла, вонзается острое копьё. Он вытаскивает его и кидает в ответ, одним метким ударом насмерть поражая обидчика. Я в шоке от происходящего, но в душе радуюсь нашей победе. Только рано, потому что нападающий пришел не один.

Тишину разрывает воинственное улюлюканье, и нас стремительно окружают полулюди, полужвери – другого названия у меня для них не находится. Бледнокожие, словно никогда не видели дневного света, сморщенные, с животными оскалами, напоминающими обезьяньи морды. Похоже, от их полчища мы и спасались накануне, наивно предполагая, что ушли незамеченными.

Тео жестом приказывает мне не высовываться. Сам он достает из кармана какой-то мешочек, наспех забрасывая его содержимое в рот и старательно пережевывая.

«Тоже мне, нашел время подкрепиться», – мелькает в голове идиотская мысль, пока я не замечаю, как мой защитник на глазах превращается в огромного волосатого оборотня.

Так вот почему его футболки такие растянутые. Ткань трещит по швам, а мужчина едва успевает стянуть ее с себя и выпрыгнуть из штанов до полного оборота.

Злобные поганки разбегаются в ужасе, но находятся и отбитые на всю голову, без инстинкта самосохранения. Одного из них оборотень показательно разрывает на части. Меня от увиденного начинает потряхивать, к горлу подступает тошнота. Кого-то из воинственных дикарей зрелище тоже

впечатлило, только пятки сверкают. В итоге их остается не больше десятка, зато, судя по ведению боя, самые настырные и опытные.

Оборотень раскидывает их, уворачиваясь от копий. Для своих размеров он довольно ловкий. Смотрю на этого жуткого зверя, а самой не верится, что это и есть Тео. Он ведь совсем недавно обнимал меня этими самыми горячими ладонями, был аккуратным и заботливым, не то, что теперь.

Лай Брука заставляет оглянуться. Двое из дикарей решили зайти со стороны и вышли напрямик на меня. Брук бросается в атаку, но с двумя сразу ему не справиться. Будь у меня бластер, или хотя бы целая нога, я бы им показала. Обычно сражаюсь я неплохо. Но не с такой ногой – не опереться на нее толком, не ударить по-человечески, маневренность на три с минусом.

Делать нечего. Поднявшись, я занимаю боевую стойку. Нелюдь замахивается копьем, прицеливаясь напрямик мне в голову, и моя храбрость разом улетучивается. Из груди вырывается крик. Я не замечаю, как передо мной вырастает Тео. Глаза зверя полны ярости. Он оттесняет меня за спину и бросается в бой.

Рев, крики, стоны, брызги крови – все смешивается. Если ад на свете и существует, я представляю его именно так.

Наконец все заканчивается. Окровавленные тела наших обидчиков разбросаны по лесу, один из них, ни жив ни мертв, болтается на дереве.

Оборотень вновь превращается в человека. Его тело мутирует, кости хрустят, шерсть втягивается в кожу. Процесс явно не из приятных. Мне и смотреть на это больно, что в этот момент чувствует сам Тео, даже представлять не хочу.

Мужские ладони перемазаны кровью. Своей или чужой не разобрать, а я и не решаюсь спросить. У него на лице написано, что сейчас лучше не попадаться под руку. Первым делом мужчина натягивает штаны с футболкой и подзывает Залди. Тот, будто ни в чем не бывало, выныривает из кустов.

Сев на коня, мы срываемся с места и до самого моста летим, как на пожар. Пространства здесь открытые, никакой погони и в помине не видно, но Тео все равно подгоняет коня, держа заданный темп.

Боясь потерять Брука, я оборачиваюсь. Высунув язык, дружище бежит за нами, не отстает.

– Молодец, мальчик, – шепчу я, зная, что он услышит.

Только Тео сам на себя не похож: его загорелое лицо бледнее обычного, по лбу и вискам струятся капельки пота. А еще дышит он как-то странно, прерывисто, плотно стиснув зубы. В другой ситуации я бы уже переполошилось, но рядом со мной не обычный мужчина, а самый настоящий оборотень. Кто знает, может у него всегда так после перевоплощения?

До пещеры уже недалеко. Вокруг раскинулся густой лес, которому я даже рада, потому что пышные шапки деревьев защищают нас от мерзкого накрапывающего дождя. Рука Тео на моей талии заметно ослабла, и Залди как прежде он уже не подгоняет. Конь идет проторенной тропой в удобном ему темпе.

«Неужели оторвались?» – внутренне улыбаюсь, доверяя чутью моего дикаря, и в тот же момент он падает с коня напрямик на землю, едва не утянув меня за собой.

– Тео! – вскрикиваю в панике.

Все это время я сидела к нему спиной и, естественно, не могла видеть, что вся его футболка на животе превратилась в огромное кровавое пятно.

Неловко спустившись с коня, я подлетаю к нему и пытаюсь привести в чувства.

– Тео, пожалуйста, открой глаза. Ты меня слышишь?

Я шлепаю мужчину по щекам, и он начинает сдержанно стонать, неохотно мотая головой из стороны в сторону. Приподнимая край футболки, мне открывается довольно глубокая рана, оставленная копьем.

– Твою ж, мать... – растерянно бубню себе под нос и тут же подсакиваю за рюкзаком. – Так вот куда ты так спешил! А мне сказать о ранении было нельзя? Ну, конечно, зачем доверять глупой девчонке, которая и сама о себе неспособна

позаботиться?!

Я и не ожидаю, что он поймет меня и уж тем более сделает какие-то выводы. Если бы понимал, вряд ли я решилась бы столь откровенно произнести все это вслух. Просто мне так спокойнее, когда слышу собственный голос, он хоть немного перебивает стук испуганного сердца. Разволновалась я не на шутку.

Разрезаю на части прихваченное из супермаркета полотенце и закрываю рану. С такими габаритами перебинтовать Тео выходит непросто.

– Оххша, – произносит он сухими губами, перехватив меня за руку. Реакция у него и сейчас хоть куда, но силы этого здоровяка стремительно покидают, слишком много крови потерял.

– Будет тебе оххша, – обещаю я, заглядывая в пронзительные карие глаза. Возможно, разумнее было бы бежать от него, пока появилась такая возможность, нордианцы, обстоятельно взвесив все за и против, именно так и поступили бы. Но я не одна из них, и не допускаю даже мысли о побеге. Я нужна ему и уж точно не брошу одного в беде, отвечу добром на добро. Именно так когда-то учили меня поступать родители. – А сейчас, миленький, поднимайся и забирайся на Залди. Самой мне тебя не дотащить.

7 глава

Конь поражает своей сообразительностью. Стоит коснуться ладонью его гривы, он опускается, позволяя раненому без лишних сложностей вернуться в седло. В этот раз я сажусь сзади, а Тео фактически ложится на коня, обхватив его шею руками. Выглядит он все хуже. Удивительно, что вообще сумел подняться, собрав последние силы.

– Вот так, молодцы, – подбадриваю и того и другого. – Брук, веди нас к пещере.

Гордо задрав нос, пес вышагивает впереди. Залди смотрит на его виляющий хвост, не скрывая раздражения, будто затаил обиду. Конечно, он тоже знает дорогу. Не удивлюсь, если этот чудо-конь и читать умеет, только мы с ним все

еще говорим на разных языках, хоть и симпатизируем друг другу.

Я придерживаю Тео, насколько это возможно, а главное, не позволяю уснуть. Болтаю о всякой ерунде, лишь бы он слышал мой голос и оставался в сознании. А еще не перестаю настороженно озираться по сторонам. Вот чего сейчас точно не хотелось бы, так это встретить очередную хищную тварь, прибежавшую на запах свежей крови.

Неожиданно из шуршащих кустов показывается кто-то лиловый и пушистый по размерам вроде енота, я невольно дергаюсь.

– Твою же... – испуганно таращусь на существо с очаровательной мордахой и одновременно удивляюсь: как оно вообще могло здесь выжить, не имея острых зубов и когтей? Какая-нибудь ядовитая слюна у него в арсенале точно имеется.

Дорога до пещеры, когда каждую секунду мысленно молишься, лишь бы Тео не свалился, тянется целую вечность. Достигнув цели, мне даже не верится, что все прошло гладко. Залди опускается на одно колено, я слезаю первой.

– Спасибо, друг, теперь моя очередь, – благодарю коня, скидывая с него наши вещи. Если бы мог, он и до кровати бы его довез, но проход в пещеру не так велик.

Подставляю мужчине плечо, чтобы помочь спуститься и войти внутрь, но он и не думает на меня опираться, считая, что справится сам. При этом его знатно пошатывает, а я чудом успеваю перехватить Тео, пока тот снова не рухнул.

– Вот же упрямый оборотень! – ворчу на своего подопечного, закинув-таки его здоровенную ручищу на свое плечо. – А тяжелый какой! Хотя, чему я удивляюсь? Здесь наверняка и младенцев кормят протеиновой кашей из червяков.

Сам Тео молчит и хмурится. Был бы в здравии, уже давно заткнул бы мне рот, а так бережет последние силы. Шаг за шагом продвигаясь к кровати, мы придерживаемся стен. В пещере темно, костер давно погас, но глаза быстро привыкают к отсутствию света. Да и заблудиться здесь негде, все как было стоит на своих местах.

– Вот так, миленький, ложимся, – вздыхаю с облегчением, укладывая его на шкуры.

Он тихо стонет сквозь стиснутые зубы. Широкие ладони, о которые еще с утра можно было греться, словно о печку, теперь на порядок холоднее моих.

Брук крутится под ногами, тычется носом. Дело дрянь, и мне страшно до жути. Хочется спуститься по стене, обнять себя за колени и разрыдаться в голос. Только время для этого неподходящее. Сейчас как никогда я должна быть сильной. В этот раз за нас троих.

Глубоко продышавшись и смахнув подступившие слезы, подкидываю дров в кострище. Хорошо, хватило ума прихватить с собой зажигалку из супермаркета. Правда, я и с ней вожусь на порядок дольше, чем это сделал бы Тео. Огонь разгорается нескоро. Но даже с ним в этой убогой пещере становится на порядок теплее и уютнее.

Первым делом я кипячу воду в котле, если и обрабатывать рану, то все должно быть предельно чистым, чтобы не занести дополнительную инфекцию.

Вот бы мне сейчас ту самую аптечку, с ее содержим я довольно быстро подлатала бы Тео.

– Покажи маршрут до корабля, – команду я, и Брук переходит в особый режим.

Пес замирает передо мной, а из его синего глаза высвечивается трехмерная проекция в масштабе от пещеры до места крушения корабля. Стоит ему пробежать где-то, информация записывается и обрабатывается, складываясь в такие вот карты. На заданиях с высадкой на неисследованных планетах пес-разведчик незаменимый помощник.

Оценив расстояние, я понимаю, что путь на Залди действительно не занял бы много времени, заодно и сигнал бы отправила. В первое мгновение от этой мысли в голове рисуются радужные картинки. Но стоит все обстоятельно взвесить и перевести взгляд на Тео, который лежит передо мной едва дыша...

Нет! Нельзя оставлять его одного в этой пещере. Вдруг что-то пойдет не так, и я не вернусь? Рано или поздно костер погаснет, а он умрет тут один без посторонней помощи. Будем держаться вместе, лечиться тем, что есть, и обходиться подручными средствами.

Решение принято, я приступаю к перевязке. Кровотечение остановилось само собой, по крайней мере снаружи. А вот если имеется внутреннее, то здесь без специальных инструментов и оборудования я бессильна. Остается только наложить целебную охшу и молиться.

Как и мой дикарь когда-то, я разминаю лишайник специальной ступкой, развожу кипяченой водой до состояния кашицы и накладываю на рану. А еще оттираю засохшую кровь с его живота и ладоней, бережно прохожусь влажной тканью по мужскому лицу.

Он крепко спит. Широкая грудь мерно вздымается и опускается. Пользуясь возможностью, я присматриваюсь к его чертам, казавшимися мне поначалу грубыми, а сейчас даже привлекательными. Кончиками пальцев невесомо касаюсь мужской щетины, жесткой, но вовсе не колючей и отталкивающей, как мне представлялось. Осмелев, я и вовсе опускаю ладонь на его щеку.

– Держись, Тео. Я с тобой. Все будет хорошо, – шепчу, будто мантру, и напоследок целую в лоб, проверяя температуру. Так мама делала, когда я была еще ребенком.

– Мейди... – срывается с его губ сквозь сон, а голова клонится в сторону моей ладони, будто просит ласки.

Инстинктивно я отрываю руку. Сердце колотится, как ошалелое.

«Сейчас же прекращай это безумие! С чего тебе вообще взбрело в голову приласкать его? Он же оборотень! Дикарь с другой планеты!» – кричит где-то внутри голос разума, но я отмахиваюсь от него, как от навязчивой мухи, убеждая себя, что поступаю так из жалости и обычного человеческого сострадания, не более.

* * *

Прежде чем отправиться на реку за водой, в этот раз я как следует готовлюсь. В одной руке держу ведро, в другой – нож, еще и Брука беру с собой для подстраховки. Погружая ведро в воду, не свожу глаз с серебристой поверхности. Здесь всегда так, тихо и красиво, девственно-чистая природа радуется яркими красками, незатейливыми звуками и сочными запахами... до поры до времени, пока на тебя не выскочит очередная хищная тварь.

Дотасив воду до пещеры, я принимаюсь разделывать того самого зверя, которого на днях принес Тео. Сперва мне жалко пушистика, но он уже мертв, а есть хочется так, что желудок сводит. В итоге дело идет быстрее, чем с птицей. Снимаю шкуру, нарезаю на куски и варю на костре что-то вроде супа.

Когда пещера наполняется аппетитными запахами, Брук одобрительно виляет хвостом. Я и сама собой горжусь. Расскажи тому же Рону о моих приключениях на Зирте, не поверил бы.

На сытый желудок чувствую себя на порядок лучше. Я и Тео пытаюсь накормить, но он отказывается от еды, лишь маленькими глотками пьет воду из моих рук и снова отключается.

Подкидывая в костер очередное полено, осознаю еще одну проблему, которую должна как-то решить: запасы дров тают на глазах, а с топором я отродясь дела не имела. В мужских руках он взлетал так легко и уверенно, всякий раз попадая точно в цель. Только мои руки, видимо, растут не из того места. Другого объяснения, почему я дважды не могу попасть в одну и ту же точку, просто не нахожу.

Перепугав местных птиц и порядком пропотев, я наконец приноровилась. Стопка дров стала понемногу расти. Поднимаю голову к небу, вытирая потный лоб рукавом куртки, и не понимаю, что это: у меня в глазах потемнело, или за работой я не заметила наступления сумерек?

Что ж, придется поторопиться, за меня дров никто не нарубит, а без огня в этой пещере мы просто окоченеет к утру.

Добравшись до кровати, я устраиваюсь под шкурой рядом с Тео. Обычно от него теплее, чем от костра, но не сегодня. Желая согреть раненого, я получше

укутываю мужчину и несмело обнимаю рукой. На мою долю за этот день хватило испытаний, и я почти сразу отключаюсь под звук его мерного дыхания.

Только ненадолго. Ночью у Тео поднимается сильный жар, и он начинает бредить. Руки и ноги ноют от усталости, зато я подсакиваю почти сразу.

– Кайнен, Кайнен! – кричит он в голос и мечется во сне, дергая сжатыми кулаками.

В таком состоянии к нему и приближаться-то страшно, может задеть ненароком. Кто знает, с какими демонами он сражается в своих видениях? Но и бездействовать нельзя, когда температура зашкаливает. Он мне нужен живым, потому что без него на этой планете и я не жилец.

– Тихо-тихо... Это я, Мейди.

Откидываю в сторону шкуру и подхожу ближе. Он реагирует на мой голос и немного успокаивается.

– Прости, Тео, но я должна тебя раздеть, иначе не сбить жар, – зачем-то извиняюсь, робко стягивая с мужчины ботинки, а затем и носки со штанами. Когда он остается передо мной в одних трусах, я смотрю на него так, словно впервые увидела.

«Господи, до чего же здоровый! Одни литые мышцы», – хлопаю глазами, не зная, с какого края подступиться. Я ведь прежде толком и не касалась мужчин, для меня они все будто с другой планеты.

Полощу тряпку в воде, отжимаю, и принимаюсь обтирать его могучее тело, начиная со лба и рук.

– Вот так, сейчас станет легче.

– Мейди... – то ли бредит, то ли действительно отзывается, не открывая глаз, а я спускаюсь все ниже. Прохожусь влажной тканью по его твердой загорелой груди, кубикам пресса, невольно присматриваясь к трусам, точнее, к их содержимому.

«Не время для этого!» – даю себе мысленный подзатыльник, но ничего не могу с собой поделаться, край глаза так и косится в эту сторону.

Пусть там ничего и не видно, размеры впечатляют, давая разыгаться воображению. Такое уж оно, женское любопытство, куда не запихивай, все равно найдет выход.

В эту ночь я справляюсь, жар отступает. Утром, когда приходит время менять повязку, я замечаю, что внешний вид раны улучшился. Тео идет на поправку. Даже соглашается отведать сваренного мной бульона. Кормить такого здоровяка с ложки оказывается забавно. Он и сам не в восторге от этого, будто стыдится моей заботы, но слишком ослаб, чтобы есть самостоятельно.

Следующие два дня мой подопечный проводит в постели.

«Сон – лучшее лекарство», – успокаиваю я себя, надеюсь, что совсем скоро он наберется сил и встанет на ноги. Я и сама едва не падаю от усталости, глаза слипаются на ходу. Вот только позволить себе такую роскошь, как сон, в течении дня я не могу. Дрова, еда и чистая вода заканчиваются слишком быстро. А ночью начинаются новые испытания.

Температура больше не поднимается, но Тео снова и снова мучают кошмары. В каждом своем сне он продолжает с кем-то отчаянно сражаться и звать Кайнена. Знать бы еще, кто этот засранец, который не дает человеку покоя, а мне нормально выспаться, я бы и сама его позвала.

Когда мне все-таки удастся поспать, я рассчитываю забыться безмятежным сном, а лучше и вовсе не видеть никаких снов, просто отключиться и отдохнуть. Но именно сейчас, будто нарочно, меня одолевают видения прошлого.

Мне снова десять. Всей семьей мы прилипли к экрану телевизора. По новостям показывают, как огромная волна разом смыла несколько городов на западном побережье. В комнате повисла тишина.

– Тони с семьей... Они так и не успели уехать, малышка только вчера родилась.

Отец сжимает мамину руку. По ее щекам катятся слезы, но мы уже не паникуем, это пройденный этап. За последний год подобные катаклизмы прокатились по всей планете. Бабушка в Луизиане стала жертвой одного из первых ураганов, который разрушил большую часть штата. Двумя месяцами позже погиб дядя Мэттью из Калифорнии. Землетрясение было такой силы, что на месте Лос-Анджелеса остались одни руины.

Количество погибших каждый день растет в геометрической прогрессии. Смерчи, землетрясения, цунами, ожившие вулканы. В России вместо морозной зимы зашкаливают аномальные температуры и стоит испепеляющая засуха, на Европу обрушились разрушительные наводнения, с какими еще не сталкивалось человечество.

Все в один голос твердят о приближении конца света. Планета будто взбунтовалась против людей, пытаясь избавиться от нас, как от надоедливых насекомых. А еще, как только все это началось, в мире все больше появляется детей с австралийским синдромом, как у меня, отчего в народе нас стали называть «предвестниками смерти».

* * *

Утром я подскакиваю с навязчивой мыслью подкинуть в костер дров, с ней вот уже несколько дней я засыпаю и просыпаюсь, но костер и так пылает ярким пламенем. А вот Тео куда-то подевался.

– Ну что за упрямец?! – бормочу себе под нос, наскоро втиснув ноги в кроссовки. Разбудить что ли не мог? Ему же нельзя одному, вдруг сознание потеряет?

Брука в пещере тоже нет. Хоть ему хватило ума увязаться следом. Поймать в случае падения такого здоровяка он, конечно, не сможет, но и в беде не бросит, покажет, где его искать.

Выбежав из пещеры в лес, вижу Тео, идущим ко мне навстречу со стороны реки, и облегченно выдыхаю. Первые косые лучи, проступая сквозь шапки сосен, подсвечивают его силуэт золотым сиянием, и я невольно залипаю взглядом на этой картине. Высокий, плечистый... красивый. Даже осунувшееся лицо и прихрамывающая походка не портят общего впечатления. Еще и Брук кружит у

его ног, подставляя морду для поглаживаний, показывая, что принял за своего.

Я ежусь от утреннего тумана, растираю ладонями плечи, покрывшиеся гусиной кожей, а он идет как ни в чем не бывало с обнаженным торсом и полотенцем, перекинутым через плечо. Спасибо, повязку оставил на месте. Я тут все стерилизую, не дай Бог чего, а он только очухался и пошел на реку освежиться.

– Ну, привет. Рада, что тебе уже лучше, – еще минуту назад хотелось отходить его хворостинкой и ей же загнать обратно в кровать, но вместо этого я лишь счастливо улыбаюсь, как последняя дура.

– Ней сэто, Мейди, – отвечает он вполне приветливо на своем, а я надеюсь, что это слова благодарности.

Наше общение все еще напоминает разговор глухого со слепым, но то, что мы пережили, не прошло незамеченным для нас обоих.

По возвращении в пещеру я принимаюсь разогревать для больного остатки супа, а еще меняю повязку, накладывая свежую порцию охши. Тео укладывается в кровать. Даже небольшая прогулка отняла у него слишком много сил. Но в этот раз мужчина не торопится засыпать. Какое-то время он просто смотрит, как я занимаюсь делами, ставшими привычными за последние дни. Теперь в его строгом взгляде нет и доли насмешки.

Я не спешу рассказывать Тео, что у нас закончилась еда. Оборотень еще слишком слаб для охоты, а моя нога вернулась в сносное состояние.

«Справилась с остальным, попробую решить и эту проблему», – убеждаю себя я, отправляясь вместе с Бруком на охоту. Мелкую дичь он вполне сможет поймать, главное, правильно поставить задачу и не нарваться на того, кто вышел поохотиться на нас.

Далеко от пещеры мы не отходим. Места здесь довольно тихие, Тео не случайно обосновался в этой пещере. Заметив шуршание в кустах, Бруклин срывается за добычей.

– Давай, миленький! У тебя получится! – болею за своего верного помощника, и урчание голодного желудка вторит моим словам.

Пока жду пса, оглядываюсь по сторонам. Этот лес полон ярких красок, но невысокий куст, щедро обсыпанный ягодами, сразу же привлекает мое внимание.

– Асуи?! – сперва я сомневаюсь, но, присмотревшись, понимаю, ошибки быть не может. Такими же ягодами Тео угощал меня у озера. Странно только, что эти растут так близко к пещере, а оборотень к ним не притрагивался. С другой стороны, ягоды не такие сытные, как та же каша из червяков, вот он и не тратит свое время на бестолковое лакомство.

Свернув широкий лист на манер кулька, я набираю туда сразу несколько горстей. К этому времени еще и Брук возвращается с добычей в зубах, радостно виляя хвостом.

– Умничка, Брук! – ликую я. – Мы с тобой и не с таким справимся, – ласково глажу пса по холке. – Возвращаемся. Устроим настоящий пир.

8 глава

К вечеру, когда приходит время обрабатывать рану, у меня уже все готово. Признаться, в одиночестве, разговаривая лишь с Бруком, я стала адски скучать по нормальному человеческому общению. Даже обмен непонятными фразами с Тео и то, хоть что-то. Поэтому я действительно жду, когда он откроет глаза.

Проснувшись, мужчина обводит пещеру недоуменным взглядом – пока занималась делами, я навела здесь некое подобие порядка. Особенно долго его взгляд останавливается на вертеле с запеченным существом, название которого я даже не знаю.

Ничего не говоря, Тео поднимается и шагает к выходу. Первое желание – пойти за ним следом, проконтролировать, чтобы не упал или еще чего. Но едва ступив, я останавливаюсь.

Может, человеку в туалет сходить надо, а тут я, хуже курицы-наседки. Понимая это, я все равно волнуюсь и отправляю Брука на разведку. Возвращаются они нескоро, зато Тео выглядит на порядок лучше: бодрый, умытый.

– Спа-си-бо, – слышу я родную речь, когда ставлю перед ним порцию горячего ужина и чашку с компотом, который сварила из ягод.

Надо же, запомнил. На сердце разливается приятное тепло, и я невольно улыбаюсь.

Сегодня впервые за последние дни он ест действительно с аппетитом. Мне дорого на это смотреть, а еще замечать, что на его лицо постепенно возвращается прежний здоровый оттенок.

Отпив из стакана всего глоток, мужчина ставит его обратно.

– Ит кеш лэ?

– Асуи, – отвечаю я, даже не сомневаясь, что речь об этом. – Вкусно, правда?

Пока я с удовольствием допиваю компот из своего стакана, Тео все еще сомневается в чем-то. А мне вдруг становится так обидно, ведь сомневается он прежде всего во мне и моих способностях. Но разве не я была рядом все эти дни, и заботилась о нем?

Всего одна эмоция, скользнувшая на лицо, один случайный взгляд, и этот здоровяк, которого совсем недавно я называла бесчувственным чурбаном, считал меня, будто раскрытую книгу.

– Мейди... – звучит тихо, но как-то слишком откровенно с этими хрипловатыми нотами в голосе. Мужская ладонь бережно касается моей, он показательно допивает остатки компота из своей чашки и улыбается.

Тео улыбается! Нет, его губы не просто сдвинулись с места, он оголяет ровные белоснежные зубы в улыбке, а в уголках его глаз показываются самые настоящие лучики-морщинки, потому что они тоже улыбаются. С ума сойти!

После ужина приходит время обработать рану.

- Ложись, - киваю в сторону кровати. - Сейчас все принесу.

Тогда со мной и начинается происходить что-то очень странное. Уже привычно я толку лишайник в ступке, подливая туда воду до нужной консистенции, только это простое действие и хлюпающие звуки вызывают у меня совершенно новые ощущения и ассоциации.

Набухшие соски проступают сквозь ткань эластичного лифчика и футболки, в то время как внизу живота, щекоча и будоража, скручивается тугая спираль.

«С чего бы это?» - не понимаю я и мотаю головой, прогоняя наваждение. - «От нехватки сна, от чего же еще», - отвечает внутренний голос, и я на этом успокаиваюсь.

Собрав все необходимое, приступаю к перевязке. Тео стянул футболку и в одних штанах полулежит в кровати. Я присаживаюсь рядом на самый край. Внешний вид раны меня уже не пугает, затягивается она не по дням, а по часам. Пугает другое - у меня начинает двоиться в глазах, а еще, стоит коснуться кончиками пальцев мужского подтянутого живота, во мне пробуждаются совершенно незнакомые чувства, которые буквально накрывают с головой.

Я тону в них. Мне хочется трогать его снова и снова, скользить ладонями по загорелой коже, склониться ниже, вдыхая его запах с нотами дождя и хвои, который сейчас особенно яркий и до одури приятный.

Я не отказываю себе в этом удовольствии, не задаюсь лишними вопросами. Наваждение, с которым я столкнулась, сильнее меня. Это какой-то другой уровень восприятия. Разум отключается, он просто бессилен, потому что на первый план выходят более значимые, заложенные в нас с рождения первобытные инстинкты.

- Мейди... - шепчет Тео, зарываясь пальцами в моих волосах, и все больше притягивает к себе.

Черные зрачки вытесняют радужку, сияя будто от лихорадки. С ним происходит то же, что и со мной.

«Как дурман-травы объелись... Или напились компота из особых ягод. Нет, никакие это были не асуи», – догоняет меня запоздалая мысль и тут же теряется на задворках сознания, потому что так легко и хорошо, как сейчас, мне не было никогда прежде за всю мою жизнь.

Чувства обострились до предела. Его руки на моем теле, кажется, что их не две, а два десятка, и они повсюду – гладят, ласкают, разгоняют волнами нарастающее желание.

– Мид ней сэрато, – звучит мужской голос, разлетаясь сотнями эхо в голове, а его губы, неожиданно мягкие, вкусные и горячие накрывают мои.

Я поднимаю руки, и футболка летит в сторону. Мужские глаза загораются, рассматривая меня во всех деталях. Тео расправляет светлые пряди по моим плечам, будто любит.

Мне нравится его опытность, которой мне отчаянно не достает, его мужская твердость и решительность. У меня не возникает сомнений, что делать и как себя вести, я просто отдаюсь его власти. Скольжу пальцами по крепким плечам, зарываюсь ими в волосы, подставляю шею для поцелуев, и стону в голос, требуя продолжения.

Мне все еще мало. Чертовски мало! Сколько бы мы не целовались и не ласкали друг друга, я не могу насытиться.

Когда мы оба оказываемся без одежды, я не испытываю страха. Сейчас, в этой реальности, он мне не ведом. Здесь есть место только для страсти, она руководит нами, диктует свои правила, льется ритмичной музыкой, под которую танцуют наши тела, то сливаясь воедино толкающимися языками и сплетенными пальцами, то отдаляясь, жадно выхватывая воздух и срывая стоны.

Впервые я ни о чем не думаю, не сравниваю, не анализирую, не вспоминаю своего прошлого, не заглядываю в будущее. Это вообще будто не я, а кто-то другой. Здесь нет ограничений, нет запретов. Есть только его сильные руки и жаркие губы, которые, оказывается, умеют быть такими нежными и дарить

столько удовольствия.

Взгляд темных глаз гипнотизирует, прожигает, и я смотрю в них, не в силах оторваться. Его лицо множится передо мной, будто картинки в калейдоскопе. Он – мой сладкий плен, мое безумие, из которого не хочется возвращаться.

Широкие ладони поддерживают меня за талию, опуская обнаженной спиной на мягкие звериные шкуры. Тео нависает сверху, обхватив запястья. Он фиксирует руки над головой, безотрывно смотрит в глаза и разводит мои колени в стороны.

Совсем рядом полыхает костер, а мне кажется, что костры повсюду, вокруг нас, словно мы лежим в большом огненном круге. Но жарче всего полыхает внутри.

– Дана... – срывается с мужских губ мое имя, только звучит оно как вопрос или удивление. Сам Тео на мгновение замирает, разглядывая меня, будто впервые увидел.

Мои глаза распахиваются от неожиданности, боль быстро сходит на нет, и мне открываются совершенно новые неземные ощущения.

Я притягиваю его к себе и жадно целую, требуя продолжения. Долго просить не приходится, он будто мысли мои читает. А еще знает мое тело лучше, чем я сама, доводя до исступления жаркими поцелуями и прикосновениями настойчивых пальцев в нужных точках.

Наша безумная ночь страсти длится так долго, что в какой-то момент я просто падаю без сил, отключаюсь в его объятьях. В моей голове все еще взрываются фейерверки, как в тот последний день Независимости на Земле, который я провела с семьей, а перед глазами несется безудержная карусель. Его черные зрачки, сияющие в свете костра ярче далеких звезд, его руки на моем теле, его запах, которым я сама пропиталась насквозь – только он один в моих мыслях, и мне впервые по-настоящему легко и спокойно.

В эту ночь мне не снятся сны, сплю, как убитая. Вот только последние дни не прошли даром. Едва забрезжил рассвет, я судорожно распахиваю глаза, проверяя, не погас ли костер. Угли дотлевают. Всего-то и надо подкинуть пару поленьев, чтобы огонь снова разгорелся. Я пытаюсь пошевелиться и осознаю странную вещь – я голая!!! Мужская пятерня по-хозяйски обхватила меня за

талию и прижимает к себе. Наши ноги переплетены, а в мои ягодицы упирается...

Нет! Нет! Нет! А вот об этом даже думать не хочу!

Поскорее выбираюсь из-под шкуры, разглядывая собственное тело. Мышцы в особых местах ломит так сильно, словно всю ночь сдавала нормативы. Между ног я замечаю застывший кровавый след, по позвоночнику пробегает волна мурашек. Ровно до этого момента я еще надеялась, что это был всего лишь сон, безумный, нереалистичный плод моего воображения, не более. Но теперь я в ужасе.

Пошатнувшись, опираюсь рукой о стену и оглядываюсь в сторону спящего мужчины. Такой расслабленный и безмятежный во сне. Только меня охватывает злость на него и на саму себя, как же без этого. Ведь это я подсунула ему тот компот. Но он тоже хорош, сомневался, и все-таки выпил, а потом еще и воспользовался ситуацией.

Набрав из ведра воды в ладони, я делаю несколько глотков.

Все должно было быть не так! Это просто не может быть реальностью! Меня ждет Рон, сын канцлера и лучший кадет академии. Он найдет меня, и мы поженимся. Или уже нет?

Признаться себе в случившемся выходит не сразу, а уж тем более облачить мысли в слова. Наскоро одевшись я выбегаю в лес, где долго смотрю на светлеющее небо в поисках ответов. Лишь тогда я решаюсь произнести самое страшное вслух.

– Я лишилась невинности с дикарем, – шепчут губы, а из глаз катится неудержимый поток слез, словно где-то внутри прорвало дамбу.

Брук кружит у моих ног, тычется носом в бедро, пытается успокоить. Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на колени, проклиная эту чертову планету, на которой умудрилась застрять, ягоды, собранные по ошибке, и Тео с его жаркими поцелуями, ненавидеть и одновременно стыдиться которых в этот момент у меня выходит проще всего.

– Хватит ждать. Пора выбираться отсюда, – выдаю, полная решимости, вытирая ладонями слезы.

Не время быть слабой и ждать помощи от дикаря. После того, что случилось этой ночью, он вряд ли куда-то меня отпустит. Но я и не стану спрашивать. Зирта преподнесла мне довольно уроков выживания, а я способная ученица.

Прокравшись на цыпочках в пещеру, быстро хватаю рюкзак, закидывая в него все, что может пригодиться. Тео ворочается во сне, и я замираю. Даже дышать перестаю, лишь бы мужчина ничего не заподозрил и не проснулся. Волнуюсь я зря, в этот раз спит он действительно крепко и лишь переворачивается на другой бок. Бросив на него прощальный взгляд, я наконец покидаю ненавистную пещеру. Брук бесшумно следует за мной.

Мы движемся через лес в сторону поляны, излюбленного места Залди. Этот чудо-конь за последние дни пару раз приходил нас проведать, будто волновался за Тео, и, кажется, мы неплохо поладили. По крайней мере, сейчас я очень рассчитываю, что так оно и есть, а конь не откажет мне в небольшой прогулке верхом.

– Повтори звук, которым Тео подзывал коня, – команду я, и Брук воспроизводит запись.

Звучит реалистично. От его голоса по телу прокатывается волна мурашек, а в памяти так некстати оживают слова, которые он шептал мне этой ночью.

Залди появляется не сразу. Гений маскировки привычно выныривает из кустов, осматривая нас с Бруком вопросительным взглядом. Кажется, еще немного, и вместо лошадиного ржания или недовольного фырчания, он выдаст что-то вполне разумное, вроде: «Что приперлись? Совесть у вас есть вообще, будить в такой час?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/rigerman_anastasiya/dikar-s-drugoy-planety

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)